

Стефан Кларк

Боже, спаси, президентъа!

~~Джеймс Бонд~~
Пол Уэст на Ривьере

От автора бестселлера
«О боже, снова Париж»

Боже, спаси...

Стефан Кларк

Боже, спаси президента

«РИПОЛ Классик»

2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Кларк С.

Боже, спаси президента / С. Кларк — «РИПОЛ Классик»,
2008 — (Боже, спаси...)

ISBN 978-5-386-03933-2

Англичанин Пол Уэст и не мечтал о таком везении – две недели на Средиземном море совершенно бесплатно, а главное, в компании очаровательной блондинки-океанографа. В то же время его старая подруга Элоди собирается замуж за аристократа, и Полу поручено сложнейшее задание – организовать банкет. Готовить для французов – рискованное занятие, а тут еще оказывается, что его девушка что-то от него скрывает... Новая криминальная комедия от Стивена Кларка о том, как соблазнить строгую девушку-ученого, оказаться ночью в жандармерии, очаровать потомственных французских аристократов и организовать свадьбу на Ривьере. И конечно, не позволить *merde* испортить весь праздник.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-03933-2

© Кларк С., 2008
© РИПОЛ Классик, 2008

Содержание

Предисловие	6
Не все платина, что блестит	7
1	7
2	10
3	13
4	17
Слово на букву «М»	19
1	19
2	23
3	28
4	30
5	33
6	39
7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Стефан Кларк

Боже, спаси президента

Stephen Clarke

Dial M for Merde

Copyright © Stephen Clarke, 2008

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2011

Фауст. Дай мне неделю, и я смогу соблазнить даже такое невинное существо, как она.

Мефистофель. Ты заговорил, как француз.

Иоганн Вольфганг фон Гёте, «Фауст», 1808

По юридическим причинам должен подчеркнуть, что эта книга ни в коем случае не намекает на то, что Президент Французской Республики пользуется сексуальными услугами своих подчиненных. Подобное заявление было бы наглым, а главное, совершенно беспочвенным враньем.

Команде доброго корабля Esperanza

Предисловие

– Поедешь со мной на юг Франции?

Она еще не договорила, а воображение уже рисовало изумрудно-зеленые холмы, тянущиеся до самого горизонта, с крохотными виллами, гнездящимися в...

Секундочку. К черту пейзаж! Картинка сменилась на белоснежную яхту, бутылку шампанского в ведерке со льдом и мою собеседницу, загорающую в соблазнительной позе под падающими лучами мягкого сентябрьского солнца.

Она продолжила говорить, и я открыл глаза. Ее слова с головой погрузили меня в Средиземноморье...

Не все платина, что блестит Париж

1

– *Bnjour!*¹

– *Bonjour.* – Девушка в очках в металлической оправе мило улыбнулась.

Начало меня обрадовало. Дело в том, что я только что вернулся в Париж из Америки, где мой французский угас как свеча на ветру, так что я был полон желания наверстать упущенное.

– *Je m'appelle West. Paul West*², – сказал я, передавая ей свою кредитную карточку.

– Можете говорить со мной по-английски, многие наши клиенты – иностранцы.

Ох уж это новое поколение французов: пока их родители стонут, что английский выживает со свету язык Мольера, их дети радостно предаются глобализации.

– *Merci...* – Я совершил очередную попытку перейти на французский. – *J'ai travaillé en Amérique...* – Увы, слов решительно не хватало. – *Et mon Français....*³ – Хм... ну и как я ей скажу, что мой язык угас? И уж тем более про свечу на ветру?

– Боюсь, мой французский подобен огню в стужу... – выдавил я.

Девушка явно не понимала, к чему я клоню, поэтому пришлось отказаться от импровизации и вернуться к речи, заготовленной заранее. Я сообщил, что перевел много долларов из Калифорнии и хотел бы уточнить мой *solde*, то есть баланс. Словом *solde* я был особенно горд, так как знал, что во французском языке существует и другое слово – *balance*, и был опасно близок к тому, чтобы его использовать. В таком случае мадемуазель решила бы, что мне необходимо срочно взвеситься⁴.

– *Vous êtes à cette agence?*

Прикреплен ли к этому отделению? Вообще-то нет, но я решил сыграть под дурачка-англичанина. Французы это любят.

– Давайте считать, что отныне да, – заявил я.

Определенно не подействовало. Девушка вернула карточку и сердито насупилась:

– Если вы не являетесь клиентом нашего отделения, то должны воспользоваться банкоматом. – Она указала на четыре банкомата за моей спиной.

– *Oui, mais...*⁵

Всем своим видом, не прибегая к помощи французского, я попытался продемонстрировать ей, что два из них не работают, а два других заняты, в то время как она явно сидит без дела.

– *Vous voulez une petite formation?*

– Что?

– Хотите, я покажу вам, как пользоваться банкоматом?

– О, что вы...

¹ Добрый день! (фр.).

² Меня зовут Уэст. Пол Уэст (фр.).

³ Спасибо... Я работал в Америке... Мой французский... (фр.).

⁴ На французском слово *balance* имеет несколько значений, в том числе и *весы*. – Примеч. ред.

⁵ Да, но... (фр.).

Я сказал, что уж как-нибудь исхитрюсь засунуть карточку в банкомат и выбрать функцию *solde* самостоятельно.

– *Très bien*⁶, – похвалила она меня и принялась перекладывать бумаги с места на место. Я был свободен.

Джентльмену передо мной потребовалось всего-то минут десять на то, чтобы запросить у банкомата список всех чеков, выписанных им с начала девяностых, и вдобавок к этому заказать пять кредитных карточек.

В конце концов мне удалось узнать мой баланс. Еще сколько-то времени ушло на то, чтобы оправиться от шока, вызванного соотношением доллара к евро. За время трансатлантического путешествия мой капитал уменьшился больше, чем на треть. Я так увлеченно страдал по этому поводу, что слишком поздно обратил внимание на звук, издаваемый банкоматом.

– *La machine!*⁷ – вскрикнул я, поворачиваясь к девушке-клерку, которая к этому времени увлеченно смотрела в окно; она с явной неохотой оторвала взгляд от автобуса.

– *La machine... ma carte...*⁸ – По мере своих скромных возможностей я изобразил чавкающий звук, чтобы наверняка донести до нее смысл происходящего.

– У вас паспорт в наличии? – спросила она по-английски. Все иллюзии насчет моего французского у этой особы определенно закончились.

– А вам он зачем?

– Я должна удостовериться в ваших данных, перед тем как вскрыть банкомат и извлечь карточку.

– Но вы же прекрасно знаете, что я тот, за кого себя выдаю! Я эту же самую карточку вам давал пять минут назад!

Она пожала плечами:

– Я должна увидеть ваш паспорт.

В любой другой ситуации я бы с радостью продемонстрировал его: мой паспорт всегда при мне на случай внезапной депортации или каких-либо непредвиденных ситуаций. Однако сегодня из аэропорта я напрямик поехал домой, оставил там свои вещи и на секунду отлучился в банк проверить состояние своих финансов. Короче, паспорт мой по-прежнему гнезвился в боковом кармане сумки вместе с посадочным талоном, мятными пастилками и членской карточкой фитнес-клуба в Лос-Анджелесе.

– У меня его нет с собой, – признался я.

– Вы должны его принести.

– Но ведь банк через пять минут закрывается! Вы меня подождете?

Ее улыбка была так же ангельски невинна, как дьявольски безжалостны ее слова:

– Мы открываемся в 8.45 утра.

У меня в штанах зазвонил телефон. Номер не определился, но я все равно ответил. Вопреки здравому смыслу – вдруг мне звонят из британского посольства, где уже в курсе моих проблем и готовы быстренько подогнать в банк дубликат паспорта, желательно вертолетом.

– Я смотрю на твои трусы, – сообщил женский голос.

– На мои трусы? – переспросил я и опустил глаза, чтобы проверить, надежно ли застегнута молния. – И какого же они цвета? – понадеялся я поймать собеседницу врасплох.

– Черные, – последовал незамедлительный ответ.

⁶ Очень хорошо (*фр.*).

⁷ Автомат! (*фр.*).

⁸ Автомат... моя карточка... (*фр.*).

Проблема в том, что, как и любой другой нормальный мужчина, у которого в жизни есть вопросы посерьезней нижнего белья, я понятия не имел, какие на мне сегодня надеты трусы.

– И почему у тебя в кармане шесть штук презервативов?

– Презервативов? Нет у меня никаких презервативов!

Кроме ключей и мелочи, которой хватило бы разве что на багет, в карманах у меня действительно ничего не было. Даже кредитной карточки – с некоторых пор.

Я отвернулся от девушки-клерка, у которой на лице было написано, что она еще подумает, открывать банк завтра с утра или не стоит.

– Да, упаковка французских презервативов, – продолжала моя собеседница, как ни в чем не бывало. – Для интенсивной стимуляции обоих партнеров. Ты в курсе, что на фламандском это будет звучать как *extra genoot voor beide partners*? Я специально это выяснила, на случай, если мне взбрдет в голову переспать с бельгийцем.

Наконец-то все встало на свои места. Это Элоди, моя давняя французская подруга, чьи разговоры почти всегда касаются либо денег, либо секса, либо, как в случае, когда она рассказывает о своем пребывании в Нью-Йорке, и того и другого.

Она объяснила, что вовсе не шпионит за мной, подглядывая в окно банка. Оказывается, она всего-навсего копается в моем белье и прочих сугубо личных вещах, которые ей отдала Алекса, моя *бывшая*. Элоди сказала, что вещей не так много, но их стоит забрать, поскольку она уже устала всем объяснять, откуда в ее спальне взялась сумка с мужскими вещами.

– Ты встречалась с Алексой? – спросил я. – И как она?

Элоди фыркнула:

– Забудь про Алексу. Я к ней прекрасно отношусь, но – *ex* в ее имени присутствует неспроста⁹. А бывших, – продолжила она, – необходимо напрочь выкидывать из головы. Бывшие они есть бывшие. В противном случае, если постоянно думать о них, они назывались бы настоящими.

– Но ведь я тоже твой бывший, – возразил я, – а ты мне звонишь.

– Нет, нет, Пол, мы никогда не были парой. Мы занимались сексом по сугубо практическим соображениям, поскольку вместе снимали квартиру, ты был свободен, а я принимала кучу наркотиков...

– Ну спасибо.

– Ты не занят? – спросила Элоди. – Давай встретимся.

– Я не смогу ничем заняться до завтрашнего утра. Мне теперь даже ужин не по карману...

Я покосился на девушку, которая к этому времени переместилась к двери. В ее взгляде читалось бесстыдное равнодушие. Она даже потрясла ключами, выражая свою готовность выставить меня за дверь без гроша в кармане.

– Встречаемся на остановке *Vélib*, на *rue des Ecoles*. Поедем кататься.

– На какой остановке?

– *Vélib*. Прокат велосипедов.

– Точно, я про них читал. Разве там не нужен абонемент?

– Ничего не нужно. Кроме кредитной карточки.

⁹ Игра слов: *Alexa* и – *ex* – приставка, означающая «бывший». – *Примеч. пер.*

2

С десяток нетерпеливых парижан толпились вокруг чего-то, по виду сильно напоминавшего двухметровый пульт от телевизора. У этой громадины, вдоль тротуара, протянулся ряд одноликих велосипедов с серебряными корзинками над передним колесом.

Элоди требовательно дышала в затылок стоящему перед ней мужчине. С тех пор как мы виделись в последний раз, ее волосы стали длиннее, а конский хвост туже. Похоже, она изжила из себя все американское, и в своей свободной серой юбке, белой блузке и с сумочкой на сгибе локтя выглядела типичной парижской мадемуазелью. Хотя нет. Мадемуазели находятся в поиске себя, а она превратилась в настоящую французскую даму. Точнее, в полную копию своей матери. Я ужаснулся: ей всего-то двадцать шесть, а она уже вошла в образ, который не изменится до конца ее дней.

Тем временем Элоди на полную мощь использовала свою высокоразвитую парижскую хитроумность, чтобы не торчать просто так в очереди за велосипедами. Насколько я мог понять, она в приказном порядке объясняла какому-то несчастному, как пользоваться системой проката. Бедняга весь взмок, скрипел зубами и, судя по всему, готов был навсегда отказаться от этого средства передвижения.

– Нажмите на зеленую кнопку. Зеленую кнопку с буквой «В». Вот сюда. – Элоди протянула руку вперед и впиалась в кнопку длинным розовым ногтем. – Не надо пока никуда совать свою карточку! Вам что-нибудь было сказано по поводу карточки? Нет! Жмите на красную кнопку! Жмите немедленно! Ну вот, вы все испортили. Дайте мне.

Элоди отстранила беднягу от экрана единственным движением бедра. Всего за одну секунду из пользователя он превратился в простого наблюдателя. Похоже, система велопроката, разрекламированная как доступная всем и каждому, на деле существовала по дарвиновскому закону о выживании сильнейших.

– *Bonjour, Paul!*

Элоди подставила мне щеки для поцелуя и по своему обыкновению пристально осмотрела меня с головы до ног, как если бы это позволило ей с точностью определить, с кем и как часто я спал в последнее время.

– Хорошо выглядишь, – сказала она. – Очень по-калифорнийски.

– *Madame?* – Офисному работнику в очереди за Элоди определенно не терпелось получить велосипед и покатить на нем домой.

– Слушайте, я же не могу быть быстрее этой штуковины! – отбрила его Элоди. Она нажала на зеленую кнопку и засунула в отверстие свою кредитную карту. – Поверить не могу, – специально проговорила она по-французски, чтобы стоящий за нами понял ее наверняка, – уж как давно существует эта система, а до сих пор находятся идиоты, которые не умеют ей пользоваться.

– *Oui*¹⁰, – согласился я. Для большего мой французский был слишком калифорнийским.

– Хотя с моей стороны жаловаться на них – лицемерие, – продолжила Элоди по-английски. – Раз уж я выхожу замуж за одного из них.

– Что?! – вырвалось у меня.

Она довольно рассмеялась моему удивлению.

– Потом объясню. А пока сходи заberi свой велосипед со стойки номер двенадцать. Просто нажми на кнопку и потяни за рычаг.

Элоди заплатила за второй велосипед, и мы отправились в путь.

¹⁰ Да (фр.).

Куда именно мы едем, я не знал, и, в принципе, мне было без разницы, потому что первое время я был озабочен исключительно тем, чтобы не разбиться к чертовой матери. Следовать за стильной французской девушкой на велосипеде – с одной стороны, большое удовольствие, а с другой – ни с чем не сравнимый кошмар. Безусловно, наблюдать за ее аппетитной попой, подпрыгивающей на седле, – занятие приятное, но оно омрачалось осознанием того, что Элоди, похоже, с молоком матери впитала презрение к светофорам и одно-стороннему движению, несмотря на то что любому нефранцузу понятно: при парижском движении такое поведение – смерти подобно.

– Да, я выхожу замуж, – прокричала она через плечо, не обращая внимания на мчащийся нам навстречу грузовик, который чуть не положил кровавый конец ее матримониальным планам.

– За американца? – спросил я, зажмурив глаза, когда грузовик просвистел в миллиметре от моего уха. – Это тот владелец плантации, с которым мы познакомились в Луизиане?

– Нет, конечно! Приличная французская девушка не может выйти замуж за американца, если только он не из Нью-Йорка или Калифорнии. Это было бы бесчеловечно. Нет, мой жених... – Она ринулась через оживленный перекресток, и ее последние слова утонули в скрежете тормозов такси.

– Кто? – уточнил я, когда снова поравнялся с ней, осторожно пробравшись между машинами.

– Он француз. Мы познакомились у велопроката. Он не знал, как арендовать велосипед, и я ему помогла. У него была *платиновая* кредитка! – Элоди обернулась, чтобы подчеркнуть значимость этого ключевого слова, и чуть не убила юношу, посмелевшего возмнить, что моя подруга остановится на красный свет.

Я затормозил и принял на себя его тираду о безответственных ездоках. В руках у него был мотоциклетный шлем, и он еще долго возмущался по поводу арендаторов велосипедов, которые портят репутацию всех, кто передвигается на двух колесах. Мне оставалось лишь кивать и пожимать плечами, пока Элоди хихикала на дальней стороне перекрестка.

– Скажи спасибо Валери, – сказала она, ускоряясь, как только я наконец-то присоединился к ней.

– Кому?

– Моему жениху Валери.

– Его зовут Валери? – Ох уж эти несчастные французские парни, нареченные женскими именами. Неудивительно, что им приходится спать со всеми направо и налево, чтобы доказать свою мужественность!

– Это вполне традиционное мужское имя, – бросила Элоди, развернувшись в седле, чтобы наградить меня уничижительным взглядом, и едва не угодила под автобус. – Я бы даже сказала – президентское имя¹¹. – Ей пришлось перекрикивать панический вопль водителя автобуса.

– Так за что я должен сказать ему спасибо? – поинтересовался я, когда она вернулась на свою полосу.

– Это его кредитной карточкой мы расплатились за твой велосипед.

– Он дал тебе свою платиновую карточку?

– Естественно, – ответила Элоди, вырвавшись на тротуар, чтобы избежать красного сигнала светофора, при этом она чуть не сбила старичка, не вовремя вышедшего из булочной. – У него целая куча карточек, – прокричала она, заглушая тираду дедули.

– Не в обиду твоему будущему супругу будет сказано, но у него с головой все в порядке? – спросил я, временно оказавшись в безопасности на маленькой пустой улочке.

¹¹ Имеется в виду Валери Жискар д'Эстен, президент Франции в 1974–1985 гг. – *Примеч. ред.*

– Нет, он просто добрейший человек. Абсолютный *chou-chou*¹². Всю жизнь прожил под крылом семьи, а теперь работает в частном банке. И знаешь, он убежден в том, что все в мире богатые и культурные. Я не хочу – не знаю, как правильно выразиться по-английски, – над ним насильничать.

– Чего ты не хочешь?

– Ну, раскрывать ему глаза на истину. Ну, до поры до времени. – По улочке разнесся ее смех, и курящий на балконе молодой человек махнул ей рукой. Вероятно, как многие парижане, парень решил, что, если в радиусе ста метров от него рассмеялась девушка, это значит, что она хочет с ним переспать.

– Но, Элоди, даже ты не можешь быть такой циничной в том, что касается брака!

– Почему это? Ты в курсе, что самые счастливые браки заканчиваются смертью?

– Как это?

– Плохие браки заканчиваются разводом, а хорошие – смертью. Чему уж тут радоваться.

Наверное, вид у меня был ошарашенный. Даже рациональная Элоди не часто выдавала такие перлы.

– Да ладно тебе, Пол, я же просто шучу. Я его люблю. Просто брак мне в принципе по барабану. По крайней мере, пока.

– Тогда зачем ты выходишь за него замуж?

– *Aha, c'est ma surprise!*¹³ Пойдем, ты еще должен научить меня танцевать.

¹² Душка (*фр.*).

¹³ А вот это мой сюрприз! (*фр.*).

3

Найти станцию *Velib* и сдать наши велосипеды оказалось непросто. В туристических местах рядом с Сеной находились самые популярные стоянки, и они были забиты под завязку, так что нам пришлось припарковаться рядом с вокзалом Аустерлиц.

Пока мы шли вдоль реки, Элоди подробнее рассказала о своей скоропалительной помолвке. Как оказалось, они познакомились всего пару недель назад и уже были обручены.

– Его полное имя – Валери де Боннпуар.

– Ну просто средневековая принцесса. В смысле, принц, – поправился я.

– Пожалуй, да. За исключением того, что он нюхает кокаин. Между прочим, этим занимаются все по-настоящему шикарные мужчины Парижа. А Валери весьма и весьма шикарен. Он происходит из *grande*¹⁴ семьи.

– У него много братьев и сестер?

– Да нет же, дурачье! То есть да, братьев или сестер у него штук пять или шесть, но я не об этом. Самые высокопоставленные семьи – это семьи аристократов-католиков. Им принадлежат замки, лошади и прочие приятные вещи. Частный банк, в котором он работает, – это их личный частный банк.

– То есть ты за него выходишь определенно *не* из-за денег.

– *Quelle idée!*¹⁵

Задержавшись, чтобы наорать на такого же арендатора-велосипедиста, какими мы сами были пару минут назад, за то, что он не остановился на красный свет и не уступил нам дорогу, Элоди потащила меня вниз, под набережную, где пожарная бригада развернула свои шланги и проверяла их на предмет протечек. Мне было приятно, что кое-кто из них залюбовался Элоди, когда она простучала мимо них на своих каблучках.

– *Vous allez dancer?*¹⁶ – спросил один из них.

– Да, но не с тобой. – Она довольно улыбнулась и взяла меня под руку.

– Какие еще танцы? – занервничал я. Сквозь уличный шум прорывалась музыка из колонок. Не очень хорошая, если откровенно. Дрожащий голосок выводил что-то под жалкий аккомпанемент саксофона.

– Понимаешь, я так и не научилась танцевать вальс, – сказала Элоди, – а свадьба непременно начинается с вальса. Ты должен мне помочь.

– На берегу реки дают уроки вальса? – удивился я.

– Надеюсь, да.

Берег в этом месте был довольно широким, и люди сидели на скамейках, а то и просто на газонах, болтая и распивая принесенное с собой вино. Заходящее солнце отражалось в бензиновых разводах, оставленных на воде полицейским катером. С туристического катера, следовавшего к собору Парижской Богородицы, то и дело мерцали фотовспышки.

– Нам сюда, – сказала Элоди, карабкаясь по бетонным ступеням к источнику режущих ухо звуков.

Я на конец-то понял, что это за музыка, и кровь застыла у меня в жилах.

На лужайке с видом на реку человек пятьдесят танцевали типично французский танец под названием *le rock*. Пары в возрасте от восемнадцати до пятидесяти выделяли пируэты под гнусавый рок-н-ролл местного разлива.

¹⁴ *Здесь*: высокопоставленная; другое значение – многодетная (фр.).

¹⁵ Еще чего; глупость какая! (фр.).

¹⁶ Вы идете на танцы? (фр.).

За время, проведенное вдали от Франции, я совершенно забыл о страсти, которую французы испытывают к музыке подобного рода. Так же, как и о страданиях, которые это у меня вызывает.

Последний раз мне пришлось отплясывать *le rock* с пьяным отцом моей *бывшей*, чтобы спасти от его настойчивых домогательств старушку в бретонском национальном костюме. Одно воспоминание об этом до сих пор бросало меня в холодный пот.

Музыка грохотала из колонок, беспорядочно расставленных вокруг скульптурного сооружения, напоминавшего гигантскую телевизионную антенну. Паренек в майке «*Vive le rock!*»¹⁷ копался в проводах.

– Пойдем спросим у него, – сказала Элоди протаскивая меня зигзагом между танцующими парами.

Она наклонилась и прокричала что-то на ухо парню с проводами. Он жестами показал ей, что ничего не понял. Элоди снова что-то прокричала, и на этот раз выражение непонимания на его лице сменилось искренним удивлением. Он покачал головой и рассмеялся.

– Идиот, – высказалась Элоди и потащила меня обратно.

– Что ты у него спросила? – поинтересовался я, когда мы удалились на достаточное расстояние, чтобы слышать друг друга.

– Попросила поставить вальс, ясное дело. Не могут же они танцевать под вот это вот без остановки!

– Думаю, могут... На то они и французы.

Чуть дальше у реки небольшая группа прохожих наблюдала за тем, как две пары умело танцуют сальсу.

– Нет, это совершенно не подходит, – вздохнула Элоди.

– Почему ты так торопишься замуж? – поинтересовался я. – Ты случайно не...

– Не будь дураком, Пол, если я что-то в этой жизни и могу контролировать, так это свой собственный организм.

– Но вы знакомы-то всего лишь... сколько?

– Почти два месяца. Да, у нас ураганная страсть.

Звучало так, как будто по крайней мере одного из них засосало в воронку.

– А кто кому сделал предложение?

Она выглядела оскорбленной.

– Естественно, Валери попросил моей руки.

– То есть любовь с первого взгляда, на веки вечные, и прочее, прочее?

– Да. В принципе, я замуж не тороплюсь, но Валери... – Элоди замолчала и покачала головой.

Мне показалось, что она чуть было не раскрыла какую-то тайну, но впервые в ее жизни осторожность пересилила все остальное.

– Все, что тебе нужно знать, – улыбнулась она, – это то, что я выхожу замуж и мне нужно научиться танцевать вальс.

– И когда свадьба?

– Через две недели. – Я и рассмеяться не успел, как она добавила: – Ты должен там быть.

– Спасибо, я с радостью приму...

– За такое короткое время другого поставщика продуктов мне просто не найти!

Оказывается, Элоди уже обо всем договорилась со своим папой, Жан-Мари Мартеном, совладельцем моей английской чайной в районе Елисейских Полей.

¹⁷ Да здравствует рок! (*фр.*).

Последний раз, когда я наблюдал папу и дочку в непосредственной близости друг от друга, Элоди в ярости швыряла в моего компаньона фруктами, однако семейная гармония, по всей видимости, восторжествовала, и Жан-Мари обещал приложить к свадьбе все усилия. Мои, если быть точнее. Чайной управлял брат Элоди, Бенуа, и, судя по всему, мужчины рода Мартен решили, что раз я возвращаюсь из Калифорнии, то буду идеальным кандидатом на роль добытчика тонн элитных продуктов – свой человек как-никак, – и это позволит им сэкономить на свадьбе немалые суммы. . .

– Все выглядит очень и очень многообещающе, – проворковала Элоди, не давая мне времени опомниться.

Она тащила меня к пятачку, где несколько пар, прижавшись щека к щеке, сосредоточенно передвигались с места на место под аккордеонно-оркестровую музыку, не имеющую четкого ритма.

– Идеально, – объявила Элоди.

– Разве это вальс? – В принципе, понять было невозможно.

– Да какая разница!

Мы спустились по ступенькам, и Элоди вцепилась в меня в ожидании, что я ее поведу в танце. У меня возникли серьезные опасения, что, поскольку я так и не научился танцевать вальс, единственное место, куда я мог бы ее привести, – это напрямик в Сену.

– Пол! – У Элоди заканчивалось терпение.

Выхода не было. Я сделал несколько пробных шагов, и мы на пару зачастили *раз-два-три, раз-два-три*, несмотря на то что наш счет ни в коем случае не совпадал с музыкой.

К моему удивлению, я достаточно быстро приспособился, делая два шага на *раз-два* и замирая на счет *три*, чтобы обдумать дальнейшее направление.

– *Раз-два* – налево, *раз-два* – направо, *раз-два* – туда, – приговаривал я. – *Раз-два* – осторожнее, *раз-два* – черт побери, *раз-два* – простите, мадам. . . – Ну, и так далее.

Элоди потихоньку расслабилась и втянулась:

– Как насчет тебя Пол? Тебе не грозит скорая свадьба?

– *Раз-два* – нет.

– Ну как-то же ты там развлекался в Калифорнии? Ты ведь вроде прославился?

– *Раз-два* – вроде того, – признался я.

Последние несколько месяцев фотографы охотились за моими ногами. Путем трагичной случайности я и мои колени стали известны благодаря ношению килта. Это привело к тому, что *нас* стали снимать в рекламе: кроссовок для бега, носков и крема для удаления волос (последнее, должен заметить, исключительно благодаря фотошопу).

Я достиг того уровня славы, когда проводишь много времени в такси, за которые не платишь, и попадаешь в ночные клубы без очереди, где посетители думают, что каждое твое слово – шедевр, и хотят с тобой переспать. Однако те калифорнийские девушки, которых я встречал, даже во время оргазма думали исключительно о своей карьере и не искали серьезных отношений с кем-либо ниже уровня помощника режиссера.

– *Раз-два* – была одна девушка. . . Черт! – Мы влетели в пару, вплоть до этого момента казавшуюся сросшейся. Теперь же они были разъединены и уставились на нас в ярости.

– *Mais qu'est-ce que vous foutez?* – возмутился пожилой мужчина в костюме и с узким галстуком.

«Какого черта вы творите», – понял я и честно ответил:

– *Je ne sais pas*¹⁸.

– Жто ече жа рас-тва рас-тва? – с чудовищным немецким акцентом спросила партнерша мужчины; ее волосы были выкрашены в цвет дегтя.

¹⁸ Я не знаю (*фр.*).

– Мы танцуем вальс, – объяснила Элоди.

– *Ici, c'est le ton-go*¹⁹, – заявил мужик.

То есть танго, понял я.

– А как насчет этих? Они тоже танцуют тон-го? – Элоди ткнула пальцем в парочку, которая, покачиваясь из стороны в сторону, целовалась враспашку.

– По крайней мере, они делают это без всяких рас-тва-трёх, – заявила дама, и ее брови, выкрашенные в цвет волос, возмущенно подпрыгнули.

– Это публичное место, и мы имеем полное право считать вслух, сколько нам приспичит. Полюбуйтесь! – Элоди гордо задрала руки в ожидании, что я снова поведу ее в нашей имитации вальса, но я взял ее за руку и увел прочь.

– Пойдем отсюда, – сказал я ей, – если ты одолжишь мне денег, я куплю тебе выпить.

¹⁹ Здесь танцуют тон-го (искаж. фр.).

4

– Ну и кто эта калифорнийка, из-за которой ты уже и до трех сосчитать не можешь? Мы снова арендовали велосипеды и доехали до переполненной террасы в кафе гостиницы «Одеон».

Элоди заказала два бокала шампанского, чтобы отпраздновать наше воссоединение, и вид игристого напомнил мне о том, как хорошо снова быть в Париже.

– Она не калифорнийка, а англичанка. Мы один раз встретились в Лас-Вегасе и еще раз – на Венис-Бич²⁰, сразу после фруктовой битвы с твоим отцом.

– И кто она такая? – Напоминание о семейных неурядицах не могло отвлечь Элоди от возможности вдоволь посплетничать.

– Океанический эколог.

– Хиппи? Она ноги-то бреет?

– Да.

– А все остальное?

– Не твое дело, Элоди.

– Как ее зовут?

– Глория. Но фамилия у нее Мандей²¹, так что все зовут ее просто Эм.

– Эм?

– Ну да, как начальницу Джеймса Бонда.

– Я надеюсь, она моложе и красивее, чем начальница Бонда?

Я улыбнулся, вспомнив свою последнюю встречу с М. Вернее, ее загорелое тело, позолоченное лучами восходящего солнца, льющимися в окно гостиничного номера. С того момента, как мы встретились на пляже, мы провели несколько приятных часов. Единственная совместная ночь была восхитительна. Когда она поправляла свои взлохмаченные волосы, в ее глазах цвета морской волны играли искорки. Поцеловав меня на прощание, она попросила позвонить ей, как только я вернусь обратно в Европу.

– Ну и что же случилось? – Элоди как бульдозер продолжала прокладывать дорогу к информации.

– Мы провели вместе одну ночь перед ее возвращением в Лондон. Это было еще весной, три или четыре месяца назад.

– У тебя есть ее номер?

– Да.

– Звони ей сейчас же. Что время терять?

Я засомневался. Есть миллион причин, по которым не стоит звонить тем, с кем у тебя был курортный роман, когда вы оба находились на приличном расстоянии от своей обычной жизни.

– Немедленно позвони, – настаивала Элоди.

– Нет.

– Смотри, вон свободная телефонная будка. Если тебе необходимо уединение, можешь позвонить оттуда.

– Я потом позвоню.

– Нет, немедленно. Сейчас же! – В этом вся Элоди. Время, проведенное в бизнес-школе, превратило ее из хулиганки в танк.

²⁰ Район Лос-Анджелеса. – Примеч. пер.

²¹ От *Monday* – понедельник. – Примеч. пер.

Я вздохнул и потянулся к телефону. Когда она в таком настроении, сопротивление бесполезно.

– Эм? Это Пол. Пол с Венис-Бич? – Я произнес это с вопросительной интонацией. Как если бы такие космополитичные люди, как мы, с легкостью могли забыть о страстной ночи в Калифорнии.

– Пол? Ты снова в Европе? – Ее голос остался таким же теплым, каким я его помнил. Похоже, она рада слышать меня.

– Да, в Париже. – Говорить о том, что с момента моего приезда и суток не прошло, не было нужды. Не обязательно выглядеть совсем уж отчаявшимся. – А ты в Лондоне?

– Да.

– Чем занимаешься?

– Чем обычно. Океан здоровее не становится, так что кое-что приходится подчищать. – Она хохотнула, как будто это была шутка для своих. – Кстати, я скоро буду во Франции по работе.

– Да? Может быть, встретимся?

– Конечно. Мне нужно на южное побережье, на границу с Испанией, в Коллиур. Поедешь со мной?

Фантазии об охлажденном шампанском, белоснежной яхте и соблазнительной девушке, похоже, начинают сбываться, подумал я.

– Договорились!

– Ой! – неожиданно воскликнула она, будто я своим согласием здорово ее удивил. – Но я не смогу тебе заплатить...

– Заплатить? А за что именно? – Мое удивление было таким же искренним.

– Прости, я думала... – Она в явном смущении замолчала.

– Я не ищу работу, – объяснил я ей. – Так что ничего не жду в ответ за свою помощь.

Ну разве только...

Она рассмеялась, и мы мысленно вернулись в ту ночь в Лос-Анджелесе. Удовольствие от воспоминания однозначно было взаимным.

– Ну что? – Пока я звонил, Элоди допила свое шампанское, ее глаза блестели от алкоголя и предвкушения.

– Валери тебя любит? – спросил я.

– Да, он от меня без ума. А что? – насторожилась она.

– А как он отнесется к тому, если мы сейчас же отправимся к тебе?

– Что?... – Элоди залилась румянцем. Во вселенских масштабах такое случалось приблизительно с той же частотой, как и сотворение планет, населенных разумными существами.

– Прости, я не могу ждать, – заявил я ей.

– Пол... – прошептала она. – Такая страстность – это как-то очень не по-английски с твоей стороны.

– Я в курсе. Как по-твоему, Валери не будет возражать, если мы сразу же включим Интернет и воспользуемся его платиновой карточкой, чтобы купить мне билет на самолет?

Слово на букву «М» Коллиур

1

Коллиур во все времена вдохновлял художников. Дальше открою кавычки: «... которые зажигались его прекрасным видом и активностями рыбачьих лодок, благодаря анчоусам и солнцу. Вот причина, по которой художники достают холсты уже столетие или больше».

Как и все остальное, эта информация на сайте явно была переведена каким-то французом, которому эту работу поручили исключительно благодаря тому, что когда-то он с грехом пополам смог прочитать этикетку импортного кетчупа. И все-таки, после двух бокалов розового вина, я кое-что понял про город, в который меня пригласила М.

Во-первых, судя по фотографиям, там находилась церковная колокольня, своим видом напоминавшая огромный пенис.

А во-вторых, именно там Матисс и Дерен придумали фовизм²².

Fauve переводится как «дикий», а если точнее (позволю себе такую вольность) – как «дикая кошка», но французские художники всегда отличались большим самомнением, так что Матисс и компания, скорее всего, подразумевали льва или тигра, но не какую-нибудь там бездомную кошку. (Это я про фовизм говорю.) Представленные на сайте образцы живописи были импрессионистскими пейзажами, состоявшими из клякс ярких цветов. Те, кто рисовал это, очевидно, полагали, что совершают открытие, отбросив черную краску и запечатлев цвета Коллиура в радужном спектре.

Сайт сообщал, что за лето 1905 года Матисс и Дерен сотворили в Коллиуре 242 картины. Следовательно, Коллиур – одно из наиболее часто изображаемых мест во Франции, наряду с Мулен Руж, прудом с лилиями Клода Моне и бедрами мадам Ренуар (тоже место, как ни крути).

– ... потом им вспарывают брюхо и забирают икру, – рассказывала М. – От одной взрослой рыбы получают до двадцати пяти килограммов икры. Но до взрослых лет еще дожить надо.

– Фу! – было моим единственным комментарием. Не очень-то по-научному, согласен, но лекция о том, как добывают икру, не совсем вписывается в мое представление об идеально проведенном утре после романтической встречи с девушкой, которую ты не видел целых три месяца.

Сама по себе встреча была весьма романтической. Я прилетел в Перпиньян²³, где меня поджидала красотка, на которую засматривалась вся мужская половина аэропорта. Французы небось надеялись, что эта улыбчивая девушка встречает свою престарелую бабулю, а тут вышел я и разрушил все их мечтания. Что само по себе значимый момент для любого англичанина.

М. была все так же необыкновенно хороша. Ее волосы растрепались, как если бы сохли на морском ветру, свободное белое платье, собранное на бедрах кожаным ремешком,

²² Фовизм – направление во французской живописи и музыке конца XIX – начала XX в. Характеризуется яркостью цветов и упрощением формы. – *Примеч. пер.*

²³ Город во Франции, в 13 км от берега Средиземного моря и в 31 км от франко-испанской границы. – *Примеч. пер.*

выгодно оттеняло янтарный загар, и в довершение всего – потрясающая улыбка, обращенная ко мне, и ни к кому другому.

Мы сдержанно поцеловались в губы и обнялись на американский манер – щека к щеке, никакого контакта ниже пояса. Похоже, нас обоих одолело стеснение. Я подумал, что в принципе это естественно, поскольку у наших отношений не было никакого определенного статуса. Мы провели вместе одну ночь и на этом, можно сказать, поставили точку – никаких страстных обещаний по эсэмэс и электронной почте, все было очень неопределенно.

В такси мы поболтали о том, чем занимались с тех пор, как уехали из Лос-Анджелеса. И мне и, думаю, ей приходилось предпринимать сознательные усилия, чтобы держать свои руки при себе. Мы были как два танцора в ночном клубе, которые наслаждаются чувством физической близости к кому-то, с кем они рассчитывают стать еще ближе, но не сейчас, а чуть позже.

Так и вышло. Едва оказавшись у входа в отель, мы решили, что пришло время отбросить скромность и продолжить начатое в Калифорнии. По пути в номер мы непрерывно целовались, рискуя растянуться на глазах у консьержа, и путались в дверных ручках. Я порадовался практике в танго, которой нахватался в Париже, – она помогла мне удержаться на ногах и не уронить партнершу. Войдя в номер, мы сразу нырнули под одеяло и занялись любовью, не тратя времени на слова.

Утром я проснулся совершенно один.

Французские, от пола до потолка, окна были открыты, солнечный свет лился из двора в комнату. Издалека доносился гул просыпающегося города. Прямо под окнами спорили о чем-то скворцы и мягко чавкал фильтр для чистки бассейна.

М. сидела на террасе, завернувшись в светло-желтый халат, с круассаном в руках и небольшим ноутбуком на коленях.

– *Bonjour!* – крикнул я.

– Прости, что я тебя покинула. Но я здесь по работе, если помнишь.

Я простил ее, как только она сбросила халат и вернулась в постель. С собой она принесла не только тепло своего тела, но и чашку кофе. Идеальная женщина.

Правда, она захватила еще и ноутбук, чтобы наглядно продемонстрировать мне, чем именно занимается по работе. В основном все было связано с рыбами.

– Как и в случае с носорогами, бедным осетрам не повезло с рождения. К несчастью для них, они слишком высоко ценятся двуногими хищниками...

– Ну да, как и супермодели, – перебил я ее.

– Но супермоделей никто не убивает, – строго сказала она.

– Насколько я знаю, многие из них находятся в шаге от голодной смерти. В отличие от тебя, я надеюсь.

Взбодренный свежим кофе, я попытался перевести ее внимание на эрогенные зоны. Но М., как настоящий ученый, обладала способностью полностью отвлечься от того, что не касалось предмета ее узкой специализации. Она быстро поцеловала меня в лоб и продолжила лекцию о рыбах:

– На какое-то время экспорт икры из Каспийского моря был запрещен ООН, но теперь его снова легализовали, и это практически обрекло белужьего осетра на вымирание. Что достаточно грустно, если учитывать, что он существует, в почти неизменившемся виде с доисторических времен.

На мониторе показалась фотография маленького осетренка, размером с ладонь, на которой его держали. Ребристое динозавроподобое создание – помесь акулы, крокодила и пиявки.

– Милашка, – сказал я.

– Ежегодно в Каспийское море попадают миллионы молодых осетров. Из них до половой зрелости доживают приблизительно три процента, но и тех практически моментально вылавливают. Так что ты прав, все как у супермоделей. Стоит достичь подросткового возраста, и все, песенка спета.

Взглянув на ее озабоченное лицо, я чуть не расхохотался. Не то чтобы мне была безразлична трагическая судьба осетров, бесславно оканчивающих свои дни из-за человеческой недальновидности. Дело не в этом. Просто я внезапно вспомнил первые кадры фильмов о Джеймсе Бонде. Только там агента 007 вводил в курс дела напыщенный умник с сигарой в зубах (допустим, о миллиардной контрабанде алмазов), а мне приходится выслушать лекцию об осетрах от обнаженной девушки. А кто сказал, что агенту 007 достается все самое интересное?

– Именно поэтому я здесь, – заключила М. – Черная икра в такой цене, что она стала соблазнительным товаром для контрабандистов. На контрабандной иранской икре неглупый дилер может заработать столько же, сколько на героине. К тому ж сама по себе икра легальна. Проблемы начинаются, если поместить ее в банки с фальшивыми этикетками. Замечу, это еще и значительно безопаснее, чем продавать героин. Осетров легально разводят на юге Франции, но мы подозреваем, что контрабандную икру добывают в секретных офшорных загонах. В прошлом году мы засекли эти загоны. – Она продемонстрировала мне фотографию, сделанную с воздуха: еле заметные тени в морской воде.

Я многозначительно кивнул, хотя с тем же успехом это могли быть ядерные боеголовки или семья лобстеров, вышедшая на послеобеденную прогулку.

– А кто именно их засек? – спросил я, ущипнув ее за бедро.

– Ребята из нашего института в Англии. Но кто-то слил эту фотографию, и к тому времени, как французское правительство отреагировало, загоны исчезли. Я приехала сюда, чтобы вычислить все источники продажи браконьерской икры на Ривьере, и на этот раз буду более осторожна с информацией.

– Отлично! С помощью самолетов-разведчиков будем ловить преступников?

– Нет. По крайней мере, не в эту поездку. Я хочу осмотреться. Официально я здесь, чтобы убедить французские океанографические институты помочь с авиадосмотром береговой линии. Они считают, что это дело полиции. Но мы боимся, что, если подключить французскую полицию, произойдет очередная утечка и это ничем не закончится. Или еще хуже – приведет к уничтожению колонии нелегальных осетров. Мы же хотим спасти рыб. Возможно, даже освободить их из загонов. В том случае, если последствия не будут губительными для окружающей среды. – Самое обидное, что она не обращала никакого внимания на мои пальцы, ласкающие ее гладкий горячий живот. – Дело в том, что осетр, предоставленный сам себе, очень быстро восстанавливает свою численность. К примеру, в Мексиканском заливе во Флориде осетры чувствуют себя вольготно. Известны случаи, когда в результате столкновений с ними серьезно пострадали лодочники.

М. открыла новое окно в своем компьютере. Хохочущий парень на каноэ держал в руках весло, как гантель, позируя своему дружку с видеокамерой. Несколько раз ударив веслом по воде, парень крикнул, что «крокодилы сейчас получают по заднице». Внезапно, спокойная гладь взорвалась, и огромная рыба, взметнувшись из воды, чуть не отхватив парню нос. В глазах парня читался ужас. Похоже, до него дошло, что лодка вот-вот перевернется и он окажется один на один с доисторическим монстром. В считанные секунды мацо перевоплотился в визжащего истерика, чуть не рыдающего от страха.

– Фантастика! – сказал я. – Давай посмотрим еще раз. – Я потянулся, чтобы нажать на кнопку повтора, но М. вцепилась в мое запястье.

– Пожалуйста, не надо ничего трогать, – прошипела она.

С ее стороны это было рефлексом. Один из тех моментов, которые частенько случаются, когда ты впервые делишь с кем-то постель. У нас у всех есть представление о том, к чему другим людям нельзя прикасаться. Но в пылу страсти легко перейти черту.

Похоже, я слишком далеко зашел в обращении с компьютером.

– Извини, – сказал я.

Она ослабила хватку и улыбнулась:

– Нет, это ты меня извини. Секретные файлы, сам понимаешь.

– Да, – согласился я, хотя и не понимал.

– А теперь, – сказала М., поставив комп на пол и подвинувшись ко мне, – почему бы нам не забыть о рыбе и не заняться кое-какими доисторическими делами?

2

Гостиница, в которую меня привезла М., оказалась элегантным особняком в испанском стиле; окна нашего номера выходили на дворик с фонтаном. Простой ночью я был сосредоточен на том, чтобы поскорее добраться до кровати, поэтому времени, чтобы рассматривать детали, у меня не было.

Мы прогулялись по саду, окружающему особняк, нюхая всякие растения, и остановились прочитать табличку, которая висела на кирпичной стене. Видя мои мучения с переводом, М. пришла на помощь.

– *Le sage est celui qui s'étonne de tout...* Мудрец – тот, кто всему удивляется, – бегло перевела она.

– Например, выпрыгивающим из воды осетрам, – сказал я. – Или тому, как свободно ты говоришь по-французски.

– Я учила язык в университете. К тому же, ты не поверишь, сколько океанографов – французы, так что у меня много практики. А теперь пойдем найдем ту колокольню, которая смахивает на член.

Мы прошли по мощеной улочке в тени холма, на вершине которого стоял замок, и спустились к крошечному порту. Солнце, вынырнувшее из-за туч, осветило пейзаж, над которым время не имело власти, – думаю, Матисс узнал бы его без труда. Между замком и знаменитой фаллической башней пролегал пляж из мелких серых камешков.

– Люди притворяются, что восхищаются Коллиуром из-за искусства, – сказала М. – Но на самом-то деле они просто хотят поглазеть на эрекцию.

– Судя по тому, что цвет у башни темный, а форма обрезанная, возможно, ее воздвигли мавры, – предположил я.

– Или древние римляне. У них считалось, что эрегированный член приносит удачу. Его вырезали над дверным проемом, потому что считалось, что фаллос отгоняет злых духов и приносит благосостояние.

Я согласился, что Коллиур не самое бедное во Франции место.

Возвышавшийся справа замок выглядел как помесь испанской виллы и шотландской крепости. Он был построен на каменистом холме, и его стены спускались к воде с высоты более ста футов.

На пляжном променаде просматривались четыре кафешки с террасами. Вместе они образовали что-то вроде деревушки из бамбуковых кресел и кофейных столиков; единственное отличие – цвет подушек и зонтиков: голубых, красных, желтых и белых.

Посетителей было мало: несколько мужчин, читающих газеты, и компания из шести или семи женщин в темных очках. Во Франции нечасто встретишь компанию женщин, разве что при скидке в универмаге или во время забастовки медсестер, поэтому я присмотрелся к ним повнимательнее. Всем лет по двадцать с хвостиком; одеты в короткие юбки и топы; судя по полному отсутствию загара, приехали они совсем недавно. Подставив лицо солнцу, девушки мирно дремали в своих плетеных креслах, как если бы провели в них всю ночь.

Я подумал о том, что тишина, царившая в Коллиуре, Матиссу и не снилась. Сто лет назад рыбаки в это время выгружали бы свой улов, а женщины торговались о цене, прерываемые криком чаек. Теперь же полдюжину пустых лодок, выстроившись в цепочку, лениво покачивались у причала. Даже не верилось, что на них кто-то выходит в море.

– А у рыбаков нельзя поинтересоваться, не встречались ли им осетровые загоны? – спросил я у М.

– Все не так просто, – ответила она. – Некоторые из них могут быть на прикупе у контрабандистов.

Мы растянулись на пляже, галька приятно массировала мне спину.

– Жаль, но пора за работу, – вздохнула М.

Покопавшись в сумке, она достала прибор, похожий на небольшой тостер. Я испугался, не собирается ли моя подруга поджарить свой телефон.

– Что это?

– Это зарядник для телефона, питающийся солнечной энергией. Ты что, никогда раньше не видел?

Пришлось признаться, что нет.

– Я никогда ни телефон, ни айпод ничем другим не заряжаю. Тебе нужно купить такой же! Каждый маленький шаг помогает в борьбе с губительными последствиями выбросов углекислого газа в окружающую среду.

– А знаешь, я тоже вношу лепту в защиту природы. По Парижу, к примеру, передвигался на велосипеде.

И существенно сократил потребление газированных напитков.

М. обернулась и вперилась в меня тяжелым взглядом.

– Ты это серьезно? – В ее голосе внезапно послышался металл.

– Абсолютно, – заверил я ее. – Когда я был в Калифорнии, один мужик проводил кампанию против углекислотных пузырьков, которые высвобождаются при открывании газировки.

М. недоверчиво покачала головой:

– Вот психи... Значительно больше урона окружающей среде наносят калифорнийцы, которые импортируют минеральную воду из Франции, чтобы побаловать свой организм. Лично я в последнее время пью только воду из-под крана.

Ничего себе... Наверное, М. – единственная женщина на французской земле, всерьез озабоченная защитой окружающей среды.

М. подключила свой телефон к заряднику.

– Я жду важного звонка. Возможно, мне придется уйти, чтобы встретиться кое с кем.

– Без проблем, – кивнул я. – Пойду посмотрю, не водятся ли в здешних водах огромные осетры. Присоединишься?

– Нет, спасибо. Я вчера окунула мизинец. Холод собачий. Так что поплавай без меня.

Я взял свою маску для ныряния и мужественно дошел в воде до колена. Ощущения были не из приятных: холод электрошоком прокатился от больших пальцев ног до мужского достоинства. Но когда за мужчиной наблюдает красивая женщина, он не позволит агонии в причинном месте остановить себя. Поэтому я поковылял по каменистому дну дальше, стараясь не думать о том, что сейчас на глазах всего пляжа меня разобьет паралич. Затем остановился, быстро сполоснул маску, продул трубку, нырнул и оказался в совершенно ином мире.

Всего в нескольких метрах от береговой полосы дефилировали огромные стаи рыб. Рыбы были почти ручными. Самые любопытные подплывали ко мне, чтобы попялиться: что за фрукт без чешуи и плавников? – и уворачивались только в том случае, если я пытался дотронуться до них. Время от времени рыбы ныряли на дно и начинали дружно пожирать что-то; я видел, как открывались и закрывались их челюсти, и, кажется, даже слышал почвакивание.

Некоторых из более крупных особей я узнал по нечастым ужинам в рыбных ресторанах – кефаль и морского леща, – но большинство видел впервые. Мимо проплывали толстые серебристо-зеленоватые «торпеды» с золотыми полосками вдоль спины, чуть поодаль – плоские, как разделочная доска, «тарелочки» с черным пятном у основания хвоста.

Вдруг внизу, между камнями, на глубине примерно десяти футов, мелькнул алый цвет. Я нырнул, и алый превратился в ослепительно белый – оказалось, это щупальце осьминога, повернувшееся кверху присосками. За секунду до того, как вынырнуть (воздуха уже не хва-

тало), я успел заглянуть в уставившийся на меня темный глаз и увидеть, как кожа моллюска в момент, когда он стал притягивать к себе маленькие камушки, чтобы укрепить свое убежище, покрылась складками.

От холода я и сам был алым, как осьминог. Или синим? Не желая больше играть в супермена, я выскочил из воды и бодро прошагал по камням к своему полотенцу. Чтобы вернуть себе естественный цвет, пришлось как следует растереться.

– Осетры мне не попадались, – объявил я М. и описал, что видел на глубине. – Что это за рыбы такие?

М. пожала плечами.

– Ты что, не знаешь?

– Нет.

– Но ты же океанограф!

– На что ты намекаешь, Пол? – спросила она, укоризненно взглянув на меня поверх темных очков.

– Ни на что. Просто я думал, ты в курсе.

– Послушай, я – морской эколог, а не энциклопедия рыб. Я много знаю о вырождающихся видах, но эти рыбы... Вряд ли они находятся под угрозой вырождения, иначе не плавали бы у самого пляжа. Может, у рыб и нет мозга, но не полные же они идиоты.

В ее голосе снова зазвучал металл, как в тот раз, когда я дотронулся до ее компьютера. Похоже, список «опасных тем» у нее довольно большой. Внезапно мне пришло в голову, что мы почти ничего не знаем друг о друге, несмотря на то что уже дважды переспали.

– Прости. Не думай, будто я хотел намекнуть, что ты плохо разбираешься в своей работе. Как женщина-ученый, ты и так, наверное, слышишь это довольно часто. Кстати, мне как англичанину, работающему в гастрономической индустрии во Франции, прекрасно знакома дискриминация... – Я хотел добавить «по половому признаку», но вовремя остановился.

Мои слова возымели действие. Она как раз собиралась слизнуть капли морской воды с моего подбородка, но тут ее телефон завибрировал.

– Извини... – М. вскочила и пошла вперед по пляжу, чтобы ответить на звонок. В одной руке она держала телефон, а в другой – направленный к солнцу зарядник, как если бы прислушивалась к кому-то из космоса. Странное зрелище.

Менее, правда, странное, чем группа из двадцати приблизительно, одинаково одетых мужчин, шагавших по пирсу. На них были майки с короткими рукавами и натянутые до пояса гидрокостюмы. В руках – пояса со свинцовыми грузами и длинные грушеподобные ласты. Все снаряжение было черным. Что это? Местный клуб по дайвингу для работников похоронного бюро?

Дойдя до конца пирса, ребята помогли друг другу полностью облачиться для ныряния и начали парами прыгать в воду. Самое интересное происходило у буйка. Каждый из них по очереди скрывался под водой и спустя минуту-другую выныривал на поверхность с камнем в руке – видимо, в доказательство того, что доплыл до дна. Насколько я понял, это было какое-то упражнение. Ну, в гидрокостюмах этим молодцам холод не страшен...

Покончив с ныряниями, любители дайвинга поплыли обратно к берегу, где М. продолжала вышагивать по пляжу с трубкой в руках, то что-то говоря, то сосредоточенно слушая. Она разговаривала, наверное, уже больше получаса. Солнце светило всюю, и я наконец отогрелся. Кафе на променаде заполнились любителями утреннего кофе.

М. села рядом со мной и извинилась за долгое отсутствие.

– Мне нужно съездить в Банюль²⁴. Там есть морской научный институт. Они заметили необычные явления...

– Кажется, я тоже заметил. – Я кивнул в сторону подводников.

– А, это солдаты. В замке находится учебный центр спецназа. Они ныряют по ночам, карабкаются по утесам, ну, и прочие дела.

– О, так они-то наверняка видели осетров, если они есть в этом районе. Почему бы тебе не спросить у них?

– Не могу. Иностранная ученая, пытающаяся выведать секреты у французских военных? Да меня в страну больше не пустят!

– Может, я спрошу? – предложил я. – Хочется как-то помочь тебе с расследованием.

М. рассмеялась:

– То есть ты хочешь зайти к ним в гости и поинтересоваться, не подвергались ли их лодки атаке со стороны огромных доисторических рыб?

– Хоть я и мужчина, но не настолько прямолинеен, – обиделся я.

– Ты умница! – М. одарила меня взглядом, полным такого желания, что возгордился бы любой спецназовец.

Я как раз собирался предложить ей вернуться в гостиницу и насладиться друг другом перед ее отъездом в Банюль, как с террасы кафе до нас донеслись возбужденные звуки. Это дремавшие женщины в топах проснулись и налетели на спецназовцев, проходивших мимо в дайверских костюмах.

Судя по выкрикам: «Вот это да, супер!», «Сними же их поскорее!» и «Эй, что там у тебя в кармане, трубка для ныряния или ты так рад меня видеть?», – я догадался, что это мои соотечественницы. Похоже, через Дублин, Прагу и Краков девочки в поисках жертв докатились до южных краев.

Бедные французские солдаты, подумал я, никакой уровень тренировок не спасет их от английских хищниц.

Расставшись с М., я с легкостью нашел тренировочный центр спецназовцев. Никакой охраны – он был абсолютно открыт для публики и представлял собой платформу размером с теннисный корт, заполненную перевернутыми лодками и всяким подводным оборудованием. К морю спускалась лестница, на воде покачивались три непотопляемые шлюпки с поднятыми моторами. Самих спецназовцев было не видеть, если они только не закамуфлировались под пучки водорослей.

Очевидно, безопасности должны были служить металлические ворота с номером подразделения. «*CNEC 1er Choc*», значилось на них. *CNEC* – это *Национальный центр подготовки спецназа*. А вторая часть приблизительно переводилась как «Первый шоковый батальон» – не думаю, что слово *Choc* как-то связано с общепринятым французским сокращением, обозначающим шоколад. Хотя обстановка и правда навевала мысли о шоколадных солдатах. Не могли же эти парни и в самом деле быть серьезными спецназовцами?

– А часто ли солдаты плавают, вы не в курсе? – спросил я у парня, который фотографировал шлюпки. Небось мой товарищ по шпионажу.

– О да, каждое утро! Прекрасные моторы, не правда ли? Красота! – Похоже, все-таки не шпион, а моторофил какой-то.

Решив попытать удачи с утра пораньше, я прогулялся вокруг подножия замка. Для обеда в одиночестве я присмотрел ресторанчик под открытым небом, хотя полуденное солнце жарило уже не по-детски.

²⁴ Банюль-сюр-Мер – городок по соседству с Коллиуром. – *Примеч пер.*

Обед восхитил бы и самого строгого из экологов. По словам официанта, анчоусов замариновали в километре отсюда. Розовое вино, опять же по его словам, получило лицензию в Коллиуре, так что, отвернувшись от моря, я мог бы отыскать взглядом виноградники. А морской лещ на гриле – мое основное блюдо – был настолько похож на тех рыб, с которыми я плавал с утра в ледяной воде, что хотелось извиниться перед ним, прежде чем отправить в рот первый кусок. За исключением кофе и риса, наиболее длинный путь до моего стола проделала питьевая вода, поступавшая в ресторан с Пиренейских гор. Все остальное, включая помидоры и цукини (я заказал тушеные), вполне могло произрастать в паре метров от ресторана. *Vive la France*, подумал я, – да здравствует Франция! И понадеялся, что остальные члены Большой восьмерки вспомнят о подобных вещах, когда будут распределять углеродные кредиты.

Я предавался самодовольству, подпитанному бутылкой розового вина, когда вдруг услышал вокруг себя вскрики и ругательства.

– *Merde!*²⁵

– *Putain!*²⁶

Поняв, в чем дело, я присоединился к общему хору.

По зубчатой стене замка, на головокружительной высоте, прогуливалась женщина.

– *On va la ramasser à la petite cuillère, celle-la*, – сказал официант, что в переводе, наверное, означало: «Не пришлось бы ее собирать чайной ложкой».

Вместе со всеми я затаил дыхание, когда женщина развернулась и направилась в нашу сторону. Она держала в руках маленькую камеру и, похоже, разговаривала с кем-то, кто находился внутри замка. Во мне крепла уверенность, что она вот-вот споткнется и с тошнотворным звуком впечатается в асфальт. Представив, во что она превратится – некое подобие моего леща на гриле после того, как я основательно покопался в нем вилкой, – я хотел зажмуриться, но не смог отвести глаз.

У нее были черные волосы до плеч и подтянутая фигурка. Она выглядела абсолютно уверенной в себе. Модель, наверное, решил я, и ей приходится рисковать жизнью ради рекламы шампуня или цифровых видеокамер.

Женщина вышагивала взад-вперед, не глядя под ноги, и спокойно снимала пляж.

Я уставился на нее и одними губами проговорил прямо в объектив:

– Слезай. *Descendez, s'il vous plaît* – слезь, пожалуйста!

Внезапно она опустила камеру и посмотрела прямо на меня, как если бы услышала мои слова. Я застыл от удивления, а мои соседи стали жестами показывать ей, чтобы она спускалась.

Наконец женщина прыгнула со стены (слава богу, не на асфальт внизу) и исчезла из нашего поля зрения, чем вызвала дружный вздох облегчения. Посетители ресторана разразились оживленной дискуссией о том, почему смотрители замка не удерживают туристов от залезания на стены. С другой стороны, как я уже успел заметить, обеспечение безопасности в замке явно не стояло на первом месте.

²⁵ Дерьмо (*фр.*); в общеупотребимом значении что-то вроде «черт побери». – *Примеч пер.*

²⁶ Букв. «проститутка» (*фр.*); в общеупотребимом значении «Черт побери!», «Вот черт!». – *Примеч пер.*

3

Вернувшись в гостиницу, я отыскал в Интернете некоторых из своих подводных друзей. Рыба с черным пятном у хвоста называлась *oblade*. А с желтыми полосками – *sarpa salpa*. Оказывается, ее мясо обладает галлюциногенными свойствами. Римляне использовали его как наркотик. Упоминался случай, когда человек, отведав рыбу в ресторане, тридцать шесть часов мучился галлюцинациями, наподобие тех, что вызывает ЛСД. «Может, мне ее подали за обедом вместо морского леща? – подумал я. – И черноволосая девушка на стене мне померещилась...»

Еще я просмотрел сайты о Средиземноморье в надежде найти что-нибудь об осетрах. Я решил, что мне необходимо нарыть информацию, которая поможет М. в ее расследовании. Возможно, это ее хоть немного расслабит.

В постели-то она была расслабленной, но вне секса М. начинала напрягаться и остро реагировать на самые невинные замечания. Должно быть, стресс... Значит, моя задача помочь ей продвинуться в работе – надеюсь, это уменьшит стресс и улучшит наши отношения. Пока же мы колеблемся между потрясающей близостью во всем, что касается постели, и холодной отчужденностью вне ее. Такие колебания – не по мне, но и с М. расставаться не хотелось.

Если верить Интернету, за пределами порта в Коллиуре много странного... Как вам, например, сардины, больные герпесом, или огромная белая акула, атаковавшая небольшое грузовое судно, или корова, найденная болтающейся на воде в тридцати километрах от Марселя, или новый вид ядовитых водорослей, уничтожающих морских ежей. Не то чтобы мне было жаль этих паразитов, но все же...

Похоже, все Средиземноморье находилось в полном беспорядке. Идеальное место для того, чтобы прятать осетров. А спрятали их, похоже, недурно, потому что о них я не нашел ни слова. Либо французские икорные пираты успели истребить всех осетров, либо они хранили свой бизнес в тайне значительно лучше французского спецназа.

– Пол, ты меня не забыл?

Из глубин послеобеденной сиесты меня вытащила Элоди. Она звонила, чтобы напомнить: я контролирую продуктовые поставки на свадьбу.

– Нет, конечно, не забыл, – ответил я, как только вспомнил, где вообще нахожусь. – Чуть позже я набросаю свои идеи для меню. Если я сброшу их тебе на электронную почту, может, твой отец с братом проконтролируют заказ самостоятельно?

– Нет. Ты же знаешь папу: он закажет запрещенное мясо из Бельгии или Китая. А Бенуа все перепутает, и мы получим одну бутылку вина и пятьсот зажаренных свиной.

Я попытался встать на защиту ее младшего брата, который весьма эффективно управлял моей чайной большую часть года, но Элоди даже слышать ничего не хотела. Она настаивала на том, что я должен был заниматься всем лично.

– Нам надо угодить стервозной бабке Валери, – сказала она.

– Кому-кому?

– Как, я тебе не рассказывала? Его бабушка настроена против свадьбы. Видишь ли, я не происхожу из *grande famille*, так что мне до них как до Луны. Она заявила Валери, что я – как бы это перевести? – не *digne de porter son voile*.

– Не достойна ходить под ее парусами? Она что, моряк?

– Нет, идиотище! *Voile* – это штука, которую невесты надевают на голову.

– Фата?

– Ну да. В таких семьях невеста надевает фату бабушки или другого важного члена семьи женского рода. И эта стерва заявила Валери, что я не достойна ее фаты. А сама меня еще ни разу в жизни не видела, *grosse vache!*²⁷

– Да уж, если бы она могла слышать, как ты о ней отзываешься, полюбила бы тебя моментально, – заметил я.

– Пол, это серьезно. Бабка-стерва не хочет, чтобы Валери на мне женился, так что он сам организует свадьбу. Он заплатил бешеные деньги за прием в замке рядом с Авиньоном. Но его воля ослабевает. Конечно, он хочет независимости, но все-таки он из *grande famille*. В таких семьях продемонстрировать свою независимость значит один раз пропустить воскресный обед у родителей. Поэтому ты должен помочь.

– Хорошо. Как?

– Я хочу заткнуть старой короле рот великолепием свадебного стола. Хочу все самое лучшее. Так что ты должен составить фантастическое меню. По поводу цены не волнуйся. Заказывай все, что сочтешь нужным.

– Ладно. – Я улыбнулся, представив реакцию ее отца, если бы он услышал, как она распоряжается его деньгами.

– Проблема в том, что бабка-стерва хочет познакомиться с тобой, чтобы убедиться в том, что ты достоин того, чтобы заказывать еду для *ее* семьи.

– В смысле?

– Пол, ты и правда не знаешь эти *grandes familles*. Они устраивают семейные заседания каждый раз, когда один из них собирается купить носки. А вдруг случится непоправимое и кто-то купит синтетические, да еще и красного цвета в придачу?

Я рассмеялся.

– Никаких проблем, я исключительный чистюля в стопроцентно хлопковых носках.

– Пол, я тебя умоляю! – трагически произнесла Элоди, и я устыдился, что не воспринимаю ее серьезно. Ситуация определенно накалялась.

– Ты должен встретиться с этой стервой, – приказала она. – Но сначала Валери встретится с тобой. Он тебя проинструктирует. Ты должен узнать побольше о старой короле. Она нам тут устраивает порядочное *merde*.

– Какое именно?

– Увидишь. Валери позвонит тебе, чтобы назначить встречу. Хорошо?

– Хорошо, – согласился я.

– Спасибо. А, ну да, займись вот еще чем. Однажды мы с папой были в Коллиуре и купили там потрясающие маринованные анчоусы. Такие, знаешь, выловленные вручную, ну и прочее. Купи десять килограммов.

– Но ты велела подождать с закупками, пока...

– Пол! – Скрежет ее зубов я слышал за тысячу километров. – Ты обязан убедить эту старую сволочь, что ты ей по всем статьям подходишь. Ясно? Иначе я тебя убью. Так что начинай заказывать еду прямо сейчас. Время пошло.

– Хорошо, я их куплю.

– Купишь? Ох, Пол, ты герой!

Тоже неплохо, подумал я, вот бы всех остальных женщин можно было бы осчастливить обещанием купить маринованной рыбы.

²⁷ Жирная корова! (*фр.*).

4

Вернувшись в гостиницу после второго за этот день заплыва (опускаю подробности), я увидел вещи М., разбросанные на кровати. Из ванной струился пар и доносился рокот льющейся из-под крана воды.

– Дорогая, я дома, – крикнул я.

– Если ты тот, кто я думаю, заходи в ванную, – ответила она, выключив воду.

М. лежала, погруженная в пену, на поверхности были только ее лицо, грудь и колени.

– Давай закрывай, вода очень приятная, – сказала она.

Я сбросил одежду, и мы провели несколько неудобных минут, пытаюсь понять, как бы уместиться в тесном пространстве. С джакузи было не сравнить. Наконец я пристроился у М. за спиной. Ее голова была у меня на груди, а ее грудь – в моих руках.

– Удачный день? – спросил я.

– Да ну, сплошная болтовня. Банюльцы думают, что я чокнутая, потому что интересуюсь осетром вместо их местной рыбы.

– Ты выглядишь напряженной. Может, растереть тебя гелем с медом и имбирем? – предложил я.

– Попробуй.

По мне, на свете нет ничего приятнее, чем массировать парфюмированным гелем для душа тело красивой женщины, особенно когда она подбадривает тебя, показывая, как ей хорошо. Лично мне тоже было неплохо. Мои руки двигались от ее бедер к животу и вверх, к груди. Грудь у М., надо сказать, идеальная: тяжелая, но упругая.

Очень скоро мы оба почувствовали, что пришло время поменять позицию, М. уселась на меня сверху, и вот уже ее бедра ритмичными движениями заставили воду переливаться через края ванной на пол.

Только сейчас я заметил, что ее грудь абсолютно совпадала по цвету со всем остальным. Ровный золотистый загар без белых треугольничков. Она и впрямь была настоящей девушкой Бонда, причем куда более блестящей версией, чем Джилл Мастерсон²⁸ в «Голдфингере»²⁹, которая задохнулась, потому что Оджоб³⁰ покрыл ее золотой краской с головы до ног. Выше я написал «без белых треугольничков», но это не совсем так. У основания позвоночника сохранился маленький кусочек незагорелой кожи. В оправдание скажу, что этого я заметить не мог, потому что смотрел на ее грудь. Ну, слава богу, подумал я, уж она-то не задохнется. В этот момент ее вздохи остановились, и она бессильно опустила на меня. Как там французы называют оргазм? *La petite mort* – маленькая смерть.

Когда мы вышли поужинать, то увидели двух практически одинаковых парней, которые сидели рядышком за столиком во дворе гостиницы и читали газеты при свете фонаря, висевшего на дереве у них над головой. Оба надели кардиганы, чтобы спастись от прохлады, типичной для начала осени. Их волосы, как кофты и рубашки, были абсолютно белыми. Если бы не строчки газет, которые они держали в руках, парни слились бы со светлыми камнями, которыми был выложен дворик, и белой садовой мебелью.

²⁸ Исполнительница роли девушки Бонда, Ширли Итон. – Примеч. пер.

²⁹ Третий фильм из цикла фильмов о Джеймсе Бонде. – Примеч. пер.

³⁰ Слуга Голдфингера, злодея из фильмов о Джеймсе Бонде. – Примеч. пер.

Я пожелал им доброго вечера, и они кивнули в ответ. Но М., пребывавшей в шумливом посткоитальном настроении, этого показалось недостаточно, и она несколько раз повторила громкое *Bonsoir*³¹.

Мужчины ответили:

– *Bonsoir, monsieur, madame*, – провожая М. глазами.

Да, подумал я, она так хороша, что даже голубых может превратить в гетеросексуалов.

М. взяла меня за руку, и я почувствовал прилив счастья. Я испытывал то ни с чем не сравнимое волнение, которое испытываешь, когда, переспав с кем-то, понимаешь, что хочешь делать это еще. И еще. И еще.

Еще днем я забронировал столик в ресторанчике Старого города. Это было крохотное темное местечко на узкой улочке, которое привлекло меня краткостью своего меню. В туристических районах меню чересчур стремится угодить, предлагая все, чего только может возжелать голодный посетитель. Можете быть уверены, что большая часть этого изобилия попадет на ваш стол из морозилки. А вот короткое меню в этом месте, написанное от руки, сообщало, что повар будет готовить именно сегодня, свидетельствуя о том, что все продукты подадут исключительно свежими.

Мы заказали бутылку коллиурского розового и чокнулись, как положено, глядя друг другу в глаза.

– За встречу, – сказал я. – Как это говорят французы? *Retrouvailles*. За то, что мы снова друг друга нашли.

– О да, мы определенно нашли удачный уголок в ванной, – прошептала она. – А ты нашел чудесный маленький ресторанчик, – добавила она чуть позже, осмотрев интерьер с преобладанием темно-красного и черных тонов. – Очень интимная обстановка.

М. была права. При свете свечей обстановка была настолько интимной, что разглядеть можно было только сидящего напротив. Правда, я смог заметить, что мы были не единственными посетителями. Половина столиков была занята в основном парами среднего возраста. В углу у стены, в глубокой тени, сидела женщина, единственная, кто был в одиночестве. Судя по всему, она читала книгу. Было так темно, что я удивился, что ей не понадобились очки с инфракрасными лучами.

– Абсолютно *мое* место, – сказала М. – Молодец, что догадался.

– Мне просто повезло. Я же о тебе ничего не знаю...

До меня вдруг дошло, что в такси по дороге из Перпиньяна всю дорогу проговорил я. М. лишь отвечала на мои вопросы своими собственными.

– Ты знаком со мной намного более интимно, чем большинство мужчин, – сказала она.

– Я серьезно. Я ведь понятия не имею, какие фильмы тебе нравятся, какую музыку ты слушаешь. Ну или, например, кто твои герои?

– Герои? – удивилась она.

– Ну, или героини, понятное дело.

– Нет, у меня есть герой, – ответила М. – Питер Уилкокс.

– Кто?

– Вот именно. Ты не виноват. О нем никто не знает. Это защитник окружающей среды. Большую часть своей жизни он провел, пытаясь защитить океаны от ядерных испытаний и истребления китов. Он никогда не сдается, не позволяет политикам одержать верх, хотя ему пришлось выдержать очень серьезные нападки. Он настоящий герой. А половина из тех, кто вообще о нем когда-либо слышал, пытается ему помешать.

М. замолчала и отпила вина.

– Это он вдохновил тебя на то, чтобы заняться морской экологией?

³¹ Добрый вечер (*фр.*).

– Да, – она выглядела смущенной. – Но давай на сегодня забудем о работе. Я хочу расслабиться и хорошо провести время. Ладно?

– Конечно, – согласился я. – Давай покачаемся на волнах. Если слишком долго оставаться на глубине, можно и утонуть, а ты ведь все время находишься на больших глубинах, не правда ли? У меня такое чувство, что ты все время чем-то обеспокоена.

– Наверное, ты прав. – М. смотрела в свой бокал почти с грустью. – Это неотъемлемая часть моей работы.

– Но ты ведь и легкомысленным вещам время посвящаешь? Взять, к примеру, твой загар. Я думал, что как ученый ты будешь больше озабочена раком кожи.

– Как ученый я знаю только о том, что загорать надо постепенно и обильно пользоваться солнцезащитным кремом. Но да, я много путешествую и люблю проводить свободное время, растянувшись на солнце. Что здесь плохого?

– Совсем ничего... – Похоже, я снова задел за живое. – Ты потрясающе выглядишь.

– Спасибо! – Она улыбнулась и погладила меня по руке, как если бы извиняясь за свою резкую интонацию.

Я наполнил наши бокалы, и мы выпили за ее прекрасное тело. Я все-таки не удержался и бросил взгляд на столик, за которым в одиночестве ужинала женщина. Не очень-то галантно, когда сидишь напротив своей возлюбленной, но в незнакомке было что-то интригующее. Она только что закончила свой салат и протянула руку к бокалу. На секунду ее лицо озарилось свечой, и я понял, откуда у меня возникла потребность рассматривать ее. Это была та самая девушка с крепостной стены. Наши взгляды встретились, и я был убежден, что поймал искру узнавания в ее взгляде перед тем, как она снова отодвинулась в тень. Странно. Неужели она на самом деле тогда рассмотрела меня?

– Все в порядке? – спросила М.

– Отлично. Только есть хочется. – Слишком долго было объяснять.

5

На следующее утро я отправился покупать фрукты вдобавок к нашему гостиничному рациону. Если Франция меня чему-то и научила, так это хвататься за каждую возможность поесть сезонных фруктов. К черту вечную клубнику – в сентябре следует обжираться инжиром и мускатным виноградом.

Два белых привидения снова сидели рядышком во дворе и пили кофе. Они ответили на мое приветствие вежливыми кивками.

К тому времени как я вернулся с покупками, М. встала и оделась. Завтрак уже принесли, и она налила мне чашку кофе. Ее чашка была уже почти пустой, и она только что закончила разговаривать по телефону.

– Передай мне ручку, пожалуйста. – М. указала на прикроватную тумбочку.

Я взял первую попавшуюся ручку.

– Не эту. Другую, – попросила она.

Я протянул ей другую ручку, и она быстро написала что-то на уголке газеты, оторвав его и свернув вдвое. – Извини, – проговорила она. – Та ручка черная. Я никогда не пишу черной ручкой.

– Почему? – поинтересовался я.

– Длинная история. Терпеть не могу все черное. Черную одежду, черные машины...

Я подумал, что и в самом деле ни один предмет из ее одежды, включая белье, не был темнее шоколадно-коричневого оттенка. Похоже, в глубине души М. была фовисткой.

– Надеюсь, ты не против черного винограда и инжира, – сказал я, протягивая ей пакет с фруктами.

– Они не черные, а фиолетовые, – улыбнулась она, отламывая маленькую веточку винограда. – Да, кстати, мне снова нужно поехать в Банюль. Скорее всего, на весь день.

– Опять? – Я знал, что она сюда приехала работать, но не мог скрыть своего разочарования. – Я-то думал, мы возьмем лодку напрокат, изучим берег, займемся чем-нибудь вместе...

– Да, опять, – оборонительно сказала она.

– Может, мне поехать с тобой? Мы могли бы вместе пообедать или что-нибудь в этом роде.

– Лучше не надо. Не хочу, чтобы люди узнали, что я совмещаю бизнес с удовольствием, – меня лишат субсидий. В любом случае, это надолго. Ты и представить не можешь, как затягиваются встречи ученых. Обед будет полной тоской, если только не гореть желанием послушать, с какой скоростью ядовитые водоросли распространяются в Средиземном море.

– Ага, кстати, я как раз прочитал в Интернете...

Она закрыла мне рот поцелуем, не дав договорить.

– А какие у тебя планы на сегодня?

Я задумался. Провести весь день, валяясь на пляже, не хотелось.

– Я должен кое-что купить для свадьбы Элоди, – сказал я. – Думаю, это займет у меня минут десять.

И знаешь... почему бы мне не попробовать разговаривать спецназовцев?

– Что?! – М. выглядела почти испуганной.

– Они полжизни проводят под водой, – объяснил я. – Может, если я с ними потусуюсь...

– Пол, я тебя очень прошу, – перебила она, – позволь мне все сделать по-моему. Не нужно никаких импровизированных опросов, ладно?

– Ладно.

– Обещаешь?

– Обещаю. На букву «М». Обещаю молчать.

Мы скрепили уговор поцелуем, и она ускакала вниз по ступенькам.

Вообще-то я не из тех мужчин, которые замирают при виде молодых людей атлетического телосложения с упругим мускулистым задом. Но у всякого правила есть исключения. Поэтому, заметив проходящего мимо спецназовца в черной майке и шортах, я последовал прямым ходом за его накачанными ягодицами.

Ну да, да, я только что пообещал М. не приставать к ныряльщикам, но какой может быть вред от простенькой слежки?

Парень удалялся от замка с целеустремленным видом. Ягодицы работали с такой скоростью, что невольно хотелось разузнать, куда это он спешит. Здесь вроде бы не Париж и спешить особо некуда... К тому же французская армия, на мой взгляд, никогда не отличалась мобильностью.

Спецназовец почти бежал по дороге мимо домиков, выкрашенных в пастельные цвета, его темная тень едва поспевала за ним. Голубые и зеленые ставни домов были закрыты, и казалось, за ними никто не живет.

На перекрестке спецназовец остановился, чтобы достать телефон из кармана шорт, и я уткнулся лицом в ближайший куст – к счастью, это оказалась пахучая жимолость, выглядывающая из обнесенного оградой сада. Его голос доносился до меня с расстояния двадцати ярдов³², довольно приличного, чтобы разобрать слова.

Голос начал удаляться – парень разговаривал на ходу. Я оторвался от жимолости, выковырял из носа какое-то насекомое и продолжил преследование.

Вскоре улица привела меня к ступеням, над которыми витал сладковатый запах инжира. Спецназовец проскакал наверх и скрылся между двумя припаркованными машинами. Я поднялся вслед за ним, удивляясь, что такой бравый вояка до сих пор не заметил слежки.

За углом парень нырнул в ворота. Выждав некоторое время, я прошел мимо них, слегка замедлив шаги. Табличка сообщала, что за воротами находится *CNEC, 1er Choc*. За исключением строгой надписи «*Défense d'entrer!*», воспрещающей вход, и колючей проволоки, база совершенно не выглядела военной. При желании ворота можно было перемахнуть, а за ними в широкую щель просматривалась старая лодка, в которой разбили клумбу. *Садовнический шоковый батальон*, подумал я. И камни, которые эти парни собирают со дна, предназначены для того, чтобы дорожки выкладывать...

В любом случае, картинка была абсолютно мирной, и я укрепился в мысли, что ныряльщики с радостью поболтают со мной об икре. Все-таки зря М. вычеркнула их из своего расследования. Вот только как начать разговор? Одно было ясно: вербоваться в *CNEC, 1er Choc* я не собирался. Ничего не имею против ныряния, но шорты из лайкры на себе я представить не мог.

Ладно, отложим на потом. А пока самое время заняться поручением Элоди. Слежка за спецназовцем не была совсем уж напрасной. По дороге я заметил магазин, в котором продавались анчоусы. Найти его на обратном пути не составило труда.

Типичная французская лавка из серии *produits regionaux*³³. На витрине – рыболовная сеть с горшочками морской соли, банка меда в форме коллиурской колокольни, стеклянный бык, наполненный вином, и да – пирамидки разнокалиберных емкостей с анчоусами. Никакой икры – ни местной, ни импортной – я не заметил.

³² Чуть больше 18 метров. – *Примеч. пер.*

³³ Местные продукты (*фр.*).

Привлекательность магазинчика была очевидной. Он находился на крутой узкой улочке, на первом этаже жилого дома, выкрашенного в горчичный цвет. По фасаду вилась виноградная лоза со спелыми гроздьями. Я сорвал несколько сочных ягод и положил в рот. Затем зашел в магазин. Внутри полки были заполнены банками, коробками, бутылками и консервами всевозможных видов. Пахло Провансом в чистом виде: лавандой, оливковым маслом и солнцезащитным кремом. Здесь же можно было купить сувениры – почему-то хозяин предпочитал фигурки животных, вроде быка, стоявшего на витрине. Пожилые туристы аккуратно пробирались вдоль полок, нюхая все на своем пути. Видно было, что в уме они производят сложные арифметические подсчеты: сколько, кому и за какую цену. Что ж, сочувствую... При том, что ирисовый леденец стоит здесь четыре евро, имея большое количество внуков, можно остаться без штанов.

Я пробрался к полке, заполненной рыбными продуктами: паштет из каракатицы, паста из рыбы-меч, филе скумбрии, мясо краба, печень морского черта и, наконец, нужные мне анчоусы в баньольском уксусе. Взглянув на ценник, я подсчитал, что купить десять килограммов, заказанных Элоди, обойдется, наверное, дороже, чем лодка, на которой их вылавливали.

Владелица магазина, стоявшая у кассы, держала в руках микроскопическую баночку меда. Цена баночки тоже была неслабой – вероятно, мед был от пчелы королевских кровей. – *Bonjour*, – поздоровался я и добавил вежливое *excusez-moi*³⁴.

Но мадам меня проигнорировала. У меня появилось время, чтобы полюбоваться на ее сноровку, пока она заворачивала горшочек в бумагу и приклеивала сверху золотой ярлычок.

– *J'ai juste une petite question*³⁵, – повторил я попытку, пока она искала пакет, достаточно маленький, чтобы баночка с медом не потерялась в нем.

Никакого внимания.

Я терпеливо стоял, дожидаясь своего часа (боюсь, в прямом смысле). Должен признаться, мне было интересно вблизи понаблюдать за женщиной, какой никогда не встретишь в Париже. Парижанка среднего возраста не станет, подобно школьнице, собирать волосы в два рыжих хвостика. И не наденет майку в обтяжку песочно-камуфляжной раскраски. Декольте тоже было излишне глубоким. Парижанки в любом возрасте могут похвастать хорошей грудью, но прикрывают ее при первых же признаках увядания. Самоуверенность этой женщины вызывала восхищение. Ее губы были накрашены клубнично-красной помадой, ресницы походили на дреды, но она абсолютно не выглядела вульгарной, или – я недавно услышал это выражение – овцой, вырядившейся ягненком. Она выглядела... как женщина, которая не считала, что должна перестать быть сексуальной лишь по той причине, что ей уже не двадцать пять. Так держать, одобрительно подумал я.

– *Oui*?³⁶, – проговорила она, отдав наконец покупателю сверток размером с грецкий орех и получив у него взамен кредитную карточку.

– Ваши анчоусы из Коллиура? – спросил я.

– *Oui*, – ответила она, хотя ей определенно было интереснее наблюдать, как мужчина набирает пин-код.

– Может быть, мне стоит приобрести анчоусы на заводе? Ну, где их солят...

Теперь ее внимание полностью принадлежало мне.

– На заводе? Нет, завод закрыт для посетителей, – сказала она. – Единственное место, где вы можете приобрести анчоусы, это здесь.

³⁴ Простите (*фр.*).

³⁵ У меня к вам только один маленький вопрос (*фр.*).

³⁶ Да? (*фр.*).

– А, ну да... – Может, у меня и не такой большой опыт, особенно с женщинами средиземноморского происхождения, но обычно я в состоянии определить, когда женщина врет. В этом случае она выглядит либо извиняющейся, либо (как девица в парижском банке, лишившая меня кредитной карточки) торжествующей. Я знал, что эта дама врет.

– Какого размера банку вы желаете? – спросила она.

– Пойду посмотрю, – ответил я и вернулся к рыбной секции.

На анчоусах был проставлен фирменный золотой ярлык этого магазина, но, отковырнув наклейку, я смог прочитать имя производителя. На банке было написано «*Conserves Franchois*» – пример той игры слов, которую так любят французы. В переводе получается что-то вроде «Маринованные франчоусы». Еще больше отогнув наклейку, я смог прочитать и адрес завода-производителя. Найти эту улицу на карте города – пара пустяков.

Прилепив золотой ярлык на место, я вышел из магазина...

... и нос к носу столкнулся с парнем в черной майке.

Моей первой мыслью было *Merde*, а второй, что у магазина есть охранник и он поймал меня за порчей товара. Заметив его голые ноги, я перевел дух. Коллиур, конечно, курортный городок, но охранников с голыми ногами я здесь что-то не замечал. К тому же на нем были лайкровые шорты в обтяжку. Он был спецназовцем. Поправка: *тем самым* спецназовцем. Тем самым, за которым я следил.

Пришлось вернуться к первоначальной оценке ситуации: *Merde...*

– *Toi*³⁷, – сказал он. – Ты за мной следил.

– *Moi*?³⁸ – попробовал возразить я.

– *Oui, toi*. А я проследил за тобой.

Oh merde, в очередной раз подумал я. Вот тебе и весь мой талант разведчика.

Спецназовец заметил мое смятение и расхохотался. У него было дружелюбное лицо brutального типа. Бритая голова, огромный подбородок и ямочка на подбородке, которая делала его похожим на одного из тех французских игроков в регби, которых фотографируют для глянцевого календарей.

– Почему ты за мной следил? – спросил он, напрягая под майкой бицепсы, как если бы неправильный ответ мог отозваться мне парой ударов.

– Меня интересуют спецназовцы, – сказал я. – Мой дедушка был в Нормандии.

Это было правдой, за одной-единственной поправкой: дедушка был там не во время операции союзных войск по высадке десанта, а вместе с бабушкой – они ездили посмотреть на высокие парусники в Гавре.

– Это не объясняет того, почему ты за мной следил. – В глазах парня загорелся нехороший огонек. – Ты ведь англичанин, да?

– Да, – обреченно кивнул я, как если бы это все объясняло.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но тут из магазина выскочили три старушки и, размахивая фотоаппаратами, стали спрашивать, не его ли они каждое утро видят на пирсе в компании таких же бравых молодых людей. Затем они стали упрашивать парня сфотографироваться с ними. Для меня это был шанс. Убыстряя шаги, я пошел в сторону моря.

– Эй, ты, – крикнул мне вдогонку спецназовец.

Обернувшись, я убедился, что от старушек он так скоро не отделается.

– Эй, ты! Я знаю, почему ты за мной следил!

Вот как? Это было интересно, но я не стал останавливаться, чтобы узнать, насколько верны его догадки...

³⁷ Ты (фр).

³⁸ Я? (фр).

– Вот этим я весь день и занимаюсь, – сказала женщина в белом комбинезоне, чьи черные кудри были спрятаны под сеткой для волос. Коротенькими пальчиками она ловко вытаскивала из анчоусов скелет и складывала рыбки тушки рядышком на отрезке марли. – А что, помогает думать...

Представив, о чем она может думать, потроша сельдеобразных, я поспешил сменить тему и спросил, зачем их кладут на марлю.

Она объяснила, что анчоусы около месяца вымокали в соли и теперь им надо немного стечь.

С успехом удрав от спецназовца, я отыскал рыбзавод, где пока все складывалось как нельзя лучше. Когда я сказал менеджеру по продажам, что хочу разместить большой заказ, тот немедленно провел меня в цех и предложил перепробовать весь ассортимент. Анчоусы выглядели очень аппетитно. Я с удовольствием подцепил вилкой филе в сладковатом соусе. Единственное, чего не хватало, – бокала розового.

– Должно быть, это трудно, – глубокомысленно проговорил я. – Ваши пальцы, эти рыбки... – На большее красноречие мой французский не был способен.

– Да нет, привыкаешь. Это как вязание.

– Ну да, – сказал я, представив свитер из анчоусов. В моем воображении он не слишком отличался от тех, которые тетушки впаривали мне на Рождество.

– А с крупной рыбой вы не работаете? – спросил я.

– С крупной? Иногда с сардинами, они побольше будут.

– Нет, еще крупнее.

– Раньше здесь водился тунец, но что-то его давно уже нет.

– Нет, не тунец, другая рыба... – Я постарался придать голосу непринужденность... – Лосось, например...

– Лосось? Нет, нет.

– А может, осетр?

– Простите, что?

Я до сих пор не научился правильно произносить *esturgeon*³⁹. В моем исполнении это больше походило на *detergent*⁴⁰.

– Э-стур-джо, – попробовал я заново, и на этот раз она меня поняла.

– А, осетр, нет, конечно. Наш профиль только анчоусы и сардины. Бывает, консервируем и других рыбок, но мы их не ловим, а покупаем. В Бретани, например. – Я видел, что она говорит правду. – А зачем вам осетры? – спросила женщина.

– Хочу купить разную рыбу. Это для свадьбы моей подруги. Десять килограммов анчоусов и, может, еще что-нибудь.

– Десять килограммов анчоусов? Не уверена, что молодоженам это понравится. Может, лучше подарить вазу или лампу?

– Это не в подарок. Я – поставщик.

Наверное, впервые за много часов моя новая знакомая перестала разделять рыбу. Воздев руки, она закрыла глаза и громко расхохоталась. Перевозбуждение от встречи с поставщиком продуктов оказалось чересчур сильным для ее нервной системы. Еще бы, поработай тут...

– Простите, – наконец проговорила она и вытащила кости из очередной рыбки. – Но вы сказали, что вы *traître*, вместо того, чтобы сказать *traiteur*. Чувствуете разницу?

³⁹ Осетр (фр.).

⁴⁰ Моющее средство (фр.).

Я выдавил из себя короткий смешок. Оказывается, я неправильно произнес слово «поставщик» и обозвал себя «предателем». Лишнее доказательство того, что я не создан для шпионажа.

6

Было чуть за семь, и я решил прогуляться. У стен замка несколько мужчин играли в петанк⁴¹ – игру, которую французы придумали, чтобы не помогать женщинам с готовкой.

В свете прожекторов, которые уже были включены, зубчатые стены замка казались белыми, и я подумал о девушке, которая ходила по самому краю. Действительно ли она была в ресторане или я обознался? После того как наши взгляды пересеклись, она не посмотрела на меня ни разу, а мне пришлось приложить усилия к тому, чтобы не глядеть на нее в присутствии М. Но сейчас я почти надеялся снова увидеть незнакомку.

Ноги сами принесли меня к кафе на пляже, чтобы пропустить стаканчик. В кафе было много народу. Может, и она здесь? Воображение нарисовало, как я подхожу и спрашиваю, зачем она рисковала жизнью, прогуливаясь по стене.

Но ее нигде не было. Усевшись за столик с видом на море, я принялся, как сова, вертеть головой, чтобы привлечь внимание официанта. Наконец мне это удалось, и я заказал бокал красного банюльского вина. На его доставку в Коллиур было потрачено минимальное количество бензина. М. была бы довольна – окружающая среда почти не пострадала.

Солнце уже зашло за горизонт, на город спускались сумерки. Желтые огни фонарей на мысе уходили влево, по направлению к Испании. Банюль был в двух или трех бухтах отсюда. Я позвонил М. Она обещала вернуться после девяти, и мы договорились встретиться в кафе. По телефону ее голос казался напряженным. Похоже, переговоры с приятелями-учеными снова зашли в тупик.

Мой телефон начал вибрировать: я получил несколько сообщений.

Первое – от Элоди: «Валери на пути в Коллиур, чтобы встретиться с тобой. Будет звонить. Поцелуй от меня».

В принципе, кроме поцелуя, у меня ни к чему претензий не было.

Второе сообщение было отправлено с длинного международного номера, начинающегося с +.

«Личное пребывательство на местах, возможно, облегчит тебе получение денег за странные дела».

Я сразу узнал этот неподражаемый стиль вербального пофигизма. Эсэмэску писал мой друг Джейк, американец, который отправился в Луизиану, чтобы помочь каджунцам⁴² вспомнить французский язык. Судя по всему, взамен они помогли ему забыть английский.

Набрав номер Джейка, я попросил человеческим языком объяснить, что он имеет в виду.

– Привет, Пол. У меня сейчас обеденная пауза. – Его английский, и без того загрязненный десятью годами жизни во Франции, офранцузился еще больше. А с каджунским выговором впридачу я слышал что-то вроде «ледяная пука». Понять Джейка могли лишь немногочисленные обитатели Луизианских болот. Ну и я, само собой.

Аккуратно порасспрашивав, я наконец установил, что мой друг имел в виду. Джейк решил, что раз уж я нахожусь во Франции, то должен попросить грант у Министерства иностранных дел.

– Грант на что? – уточнил я.

– На пози.

⁴¹ Игроки в ходе игры бросают по очереди большие шары, стремясь, чтобы они падали как можно ближе к маленькому. – *Примеч. ред.*

⁴² Каджуны – выходцы из Франции, отправившиеся в Новый Свет в поисках лучшей жизни. Изначально каджуны поселились в Канаде, но после того, как Канада перешла под власть Британии, каджуны отказались присягать английской королеве и нашли прибежище во франкоговорящей и католической Луизиане. – *Примеч. пер.*

С этим словом у меня трудностей не возникло. С первого дня нашей встречи Джейк долбил о пози – извращенное произношение французского слова, обозначающего поэзию. Он давно уже творил серию од о сексе с женщинами разных национальностей, живущими в Париже. Одной из наименее удачных была, на мой взгляд, та, которая начиналась словами: «Я у девушки из Киркука⁴³ спросил однажды...»

Последнее время Джейк занимался свободным переводом Бодлера на то, что он достаточно вольно именовал английским языком. Это было очередным его шагом в борьбе за то, чтобы лишить американцев блаженного незнания французской поэзии.

– В данный момент я создаю сайт в Интернете, чтобы помещать строчки пози для моих школьников, – сказал он.

– Твоих учеников?

– Да. И всех каджунов. А после я хочу устроить Каджунский фестиваль пози. И нам нужен фин.

– Финн? Из Финляндии?

– Да нет же, чувак, финансы, деньги. Евро, доллары... А раз наша пози написана на французском языке, я и подумал, что, может, французское правительство нам заплатит. У них ведь есть франкофонический министр, нет? Тот, который занимается поддержкой французского языка во всем мире. Ты в Париже, может, ты сможешь сделать запрос?

Слушать его было настолько тяжело, что я готов был сам заплатить за этот фестиваль, лишь бы он замолчал.

– Я с радостью передам от тебя письмо, – сказал я. – Может быть, через Жан-Мари, отца Элоди. Он занимается политикой, у него есть друзья в нужных местах. Но в данный момент я не в Париже, а на юге. – И я рассказал ему о своей встрече с М.

– Та англичаночка? Но ты же ее уже поджарил. Зачем тебе жарить ее еще раз?

Нет, он имел в виду не то, что я ее посолил и приготовил. Джейк неправильно произнес французский глагол «трахать».

– Некоторые из нас нуждаются в большем, чем галочка на атласе, – сказал я. – Мы ищем чего-нибудь поромантичнее. Знаешь, вроде вечной любви и сексуальной гармонии.

– С англичаночкой? Нет, чувак. Ту англичанку, с которой я переспал, интересовали только пиво и – как это будет? – *pipes*.

– Минеты, – подсказал ему я. – То есть ты искренне полагаешь, что английским женщинам интересны только пиво и минеты?

– Я пришлю тебе про них стихотворение – прочитаешь, и все поймешь.

Я нажал на кнопку отбоя. Так заканчивались почти все из наших разговоров, и Джейка это несколько не обижало.

– Это ужасно... – Какая-то женщина ошарашенно уставилась на меня из-под неровной рыжей челки. – Пиво и минеты? – пораженно повторила она.

– Простите, пожалуйста, это мой друг... – сказал я, указывая на телефон.

– Полная туфта, – перебила она. – Когда мы во Франции – то вино и минеты.

Оказалось, она была в числе тех, кого я заприметил в кафе накануне утром. Она сообщила, что их компания прибыла из «сексуального Суссекса».

– А знаешь, что по-французски значит Сууу... секс, – спросила она меня и сама же моментально ответила на свой вопрос: – «Сосать член» – вот что.

– Одна из вас выходит замуж, и вы решили устроить девичник? – спросил я в надежде сменить тему.

⁴³ Город в Ираке, центр нефтяной промышленности. – *Примеч пер.*

– Нет, мы просто приехали пить и снимать парней, – хихикая, пробормотала она. – Мы тут собираем народ для пляжной вечеринки, и я подумала, раз ты один, может, захочешь присоединиться?

– Это очень лестное предложение, – сказал я, – но вынужден ответить на него отказом.

– Струсил, что ли?

Если честно, то да, хотелось ответить мне.

На променаде я заметил двух ее подруг. В руках у них были пластиковые пакеты из супермаркета, набитые вином, и этот груз казался единственным, что помогало им сохранять равновесие. В топах и коротеньких облегающих юбчонках англичанки выглядели так, будто их багаж потеряли в аэропорту и поэтому одежду приходилось экономить. Татуированные амазонки, вышедшие на охоту за мужским телом.

– Я жду свою девушку, – сказал я.

– Фигня собачья, – объявила моя новая знакомая. – Девчонки! – крикнула она, и амазонки, звеня бутылками и пошатываясь, направились к нам. – Он отказывается идти! – пожаловалась она.

Ее подруги поставили сумки и попытались вытащить меня из-за стола.

– Нет, честно, моя девушка будет здесь с минуты на минуту, – сказал я, высвобождая руки. – Вы заставьте ее ревновать.

– Пусть тоже приходит, – сказала рыжая, – там будет куча парней. Смотри.

Я обернулся и увидел еще четырех девушек, болтающих с какими-то парнями. Присмотревшись, я узнал спецназовцев, хоть они и сменили шорты на джинсы и рубашки с короткими рукавами, выставяющие напоказ бицепсы.

Рыжая призывно замахала, и вскоре вся компания ввалилась в кафе.

– Эй, *c'est l'Anglais!*⁴⁴ – Спецназовец с ямочкой на подбородке принялся размахивать у меня перед носом пивной бутылкой.

– *Bonsoir*, – вежливо поздоровался я.

– Ты что, знаком с ним? – спросил парень со сломанным носом.

– *Oui*. – Спецназовец в красках рассказал о том, как я преследовал его до базы. Правда, раздраженным по этому поводу он не выглядел. Они все смеялись.

– Как тебя зовут? – спросил парень со сломанным носом.

– Пол Уэст. – Врать не было необходимости.

– *Ça n'existe pas!*⁴⁵

– Бывает, – возмутился я.

– Северный пол бывает, и Южный пол бывает, а Западного не бывает.

Со всех сторон раздалось ржание, развеселившиеся спецназовцы с одобрением хлопали приятеля по спине.

Я смеялся громче всех. Произнесенное с французским акцентом, мое имя звучало как Западный полюс. За два года, проведенных во Франции, я составил целую коллекцию лингвистических шуток, а теперь вот сам стал источником одной из них.

– Над чем они смеются? – спросила рыжая.

– Надо мной.

– Вы знакомы?

– Мы встречались, – уклончиво ответил я и внезапно осознал, что на пляжную вечеринку мне все-таки придется пойти. Эти парни уже так напились, что запросто нарисуют мне подробную карту всех военных баз Франции, а уж о рыбах, плавающих в этих водах,

⁴⁴ Это же англичанин! (*фр.*).

⁴⁵ Так не бывает! (*фр.*). Имя *Paul* звучит как слово *pole* – «полюс»; *west* – «запад», «западный». – *Примеч. пер.*

узнать не составит труда. И М., думаю, останется довольна. Никаких серьезных расспросов – обычная пьяная болтовня, к утру парни напрочь обо всем забудут.

– Хорошо, – сказал я. – И где вы собираетесь провести вечеринку?

Мой вопрос был встречен победным улюлюканьем, Сломанный Нос доверчиво продышал мне в лицо, что они поведут англичанок на небольшой пляж сразу за мысом.

– Очень уединенный пляж, – со значением подмигнул он.

– Я только позвоню своей девушке и скажу ей, где буду.

Я встал и отошел в сторону, туда, где было немного потише.

У М. сработал автоответчик, и я оставил ей сообщение, что встретил друзей и иду с ними промочить горло (это было полуправдой, но М. не стоило знать все). Немного подумав, я попробовал дозвониться до Элоди. Элоди не ответила, и я оставил ей такое же сообщение, но только более подробное. Если меня придется искать с собаками, по крайней мере, в мире есть две женщины, у которых есть информация о том, какие у меня были планы накануне исчезновения.

– Пошли, – объявил я, когда вернулся к столу.

– Ура! – В порыве чувств рыжая задрала майку и продемонстрировала всем свою грудь.

Мы отправились по променаду, мимо церковной колокольни, к узкой тропинке, ведущей вдоль скал. Большинство девушек и парней разбились на пары и, не теряя времени, принялись целоваться; руки тоже были при деле.

Я попытался отвлечь внимание Сломанного Носа от плоского бюста моей соотечественницы, задав вопрос о его подводных приключениях.

Не отвлекаясь от своего основного занятия, он рассказал, что часто ныряет в пещерах, каких много вдоль берега. Парень говорил с сильным южным акцентом.

Все его слоги были очень четкими, он умудрялся произносить даже непроницаемые звуки.

Однако разговоры о заплывах его быстро утомили, и он полностью переключился на подружку, объявив, что скоро задаст ей трах.

– Трах? – радостно повторила она. – Эй, девчонки, Франсуа тут говорит, что мы все получим трах!

Раздались крики одобрения, что заставило меня задуматься о том, насколько удачной была идея отправиться с ними неизвестно куда.

Мы дошли до той части пляжа, где было совсем темно – свет фонарей с набережной сюда не долетал. По моим скромным подсчетам, до того момента, как одежда будет сброшена и франко-английская дружба скреплена чем-то большим, нежели поцелуями взапас, оставалось недолго.

– Ну, займемся трахом? – спросила меня рыжая.

– Это он купание имел в виду, – сказал я, чувствуя, что порчу всем праздник, – просто произнес непонятно.

– Тоже сойдет. Для начала, – не сдалась она. – Пойдем поплаваем нагишом!

– Давай сначала выпьем.

Я выхватил из пакета бутылку и подошел к спецназовцу с ямочкой – штопор был у него.

– Вы часто приходите ночью на пляж? – осторожно спросил я. – Ну, поплавать, я имею в виду.

– Что?

Видимо, он не врубился, о чем я говорю, и пришлось повторить заново.

– А, *oui*, – ответил он. – Днем, ночью, в любое время. Но обычно без девчонок, это да.

Заметив, что он никак не может попасть штопором в центр пробки, я отобрал у него бутылку и стал открывать ее самостоятельно.

– Наверное, по ночам страшно плавать? – продолжил я развивать тему. – Ну... с большими рыбами?

– Да ну, – махнул он рукой. – Эти англичанки по-страшнее будут, разве нет?

Рассмеявшись, парень нежно пожал мне запястье. Я с ужасом понял, что он решил, будто я к нему клеюсь. И не просто понял, а приветствует это. Так вот в чем дело...

– А акулы... – сказал я, немного отступив. – Акулы вам не встречаются?

– Чего? Нет, здесь их не бывает. На Мартинике, вот там – да. Или в Джибути. Но меня они не пугают. – Он вцепился мне в плечо, будто собирался защитить от хищных рыб.

– Джибути – это рядом с Ираном, не так ли? – Пока он не успел исправить мое сильно искаженное представление о географии, я влез с ключевым вопросом: – А осетров вы в Джибути видели? Или здесь?

– Осетров? А как они выглядят?

Примерно, как эти девушки, хотел сказать я, – с белыми животами и огромными жабрами.

Насчет белых животов – без преувеличения. Самые прыткие из девчонок уже разделить. У меня оставалась пара минут до того момента, когда разговор об осетрах уж точно не получит продолжения.

– Вообще, осетры – это рыба, которая производит икру. Черную. Я слышал, рядом с Коллиуром такие водятся.

– Рядом с Коллиуром?

Первая пара упала на собственную одежду и перешла к серьезным действиям, но парень с ямочкой продолжал смотреть мне в глаза, как если бы мог увидеть в них если не самого осетра, то хотя бы банку икры.

– Да, у Коллиура, – повторил я, с трудом удержавшись от того, чтобы резво отпрыгнуть в сторону, когда его большой палец впился в мою ключицу и принялся массажировать ее. – Вы их случайно не видели?

– Пол! – долетел до меня настойчивый женский крик, и я понадеялся, что это М. Спросила у официантов в кафе, в какую сторону направилась шумная компания, и сейчас устроит скандал за участие в пляжной оргии. Ладно, согласен, все что угодно, лишь бы сбежать отсюда.

Но нет, это была не она. На этот раз на мою плоть нацелилась рыжая соотечественница.

– Пол, ты пропускаешь все веселье, – сказала рыжая, дергая меня за рубашку.

– *Fous le camp, grognasse*, – зашипел на нее спецназовец.

– Что он сказал? – спросила англичанка.

Я пожал плечами, хотя знал перевод: «Отвали, глупая, надоедливая женщина»

– *Casse-toi, pauvre conne*⁴⁶, – повторил парень. – Не видишь, мы разговариваем?

– Что он там лопочет, лягушатник?

Я промолчал. Не говорить же ей, что дословно это означает «отвали, бедная писька»⁴⁷.

Так или иначе, суть до нее, дошла, потому что женская рука чуть было не вlepила спецназовцу по подбородку.

Но на то он и был спецназовцем, чтобы упредить удар. Хохотнув, парень толкнул рыжую. Не сильно, это факт, но ее способность сохранять равновесие была, по всей видимости, невысока, и она свалилась на спину, увлекая меня за собой.

Не успел я возмутиться, как рыжая снова была на ногах. Я тоже встал – и тут же пожалел об этом. Прикрываясь мной, как щитом, девчонка запрыгала, пытаясь побольнее пнуть

⁴⁶ Здесь: отвали, идиотка несчастная (фр.).

⁴⁷ На французском *pauvre* – «бедный», *conne* – «вагина». – Примеч. пер.

парня. Сначала он посмеивался, но когда она засадила ему в лодыжку, ему стало не до смеха. Пытаясь достать рыжую, он оторвал приличный кусок моей рубашку.

– *Merde!* – Все, с меня хватит! – Послушайте, я не собираюсь заниматься сексом. Ни с кем, понятно? Верните мне кусок моей рубашки и давайте на этом распрашиваемся.

– Кхм, простите... – Почувствовав сдержанное прикосновение к моему обнаженному плечу, я обернулся и увидел ухмыляющегося белобрысого парня. А этому-то что надо?

– Слушай, пошел бы ты! – На всякий случай я не стал уточнять направление.

Сняв рубашку и бросив ее на гальку, я зашагал по направлению к набережной, стараясь не наступить на какую-нибудь парочку, увлекшуюся трахом. Это было довольно сложно, так как меня пошатывало от дешевого красного вина, да и к тому же на пляже было темно. У самой скалы в нескольких ярдах от меня возникла тень, закричавшая по-французски:

– Полиция! Никому не двигаться!

От скалы отделилась целая группа таких же теней и побежала в сторону пляжа.

Французы – не самая послушная нация, включая тех, кто по роду службы обязан подчиняться. Спецназовцы забегали, оставив своих подружек. Я один остался стоять на месте и оказался легкой добычей.

Передо мной возник мужчина в куртке со светящейся надписью «Жандармерия» и приказал голой девушке, лежавшей у меня под ногами, встать.

– Я не могу трусы найти, – сказала она ему.

Я решил помочь ей. Нашарил какие-то трусы и протянул ей.

– Я совсем не хотел... – пояснил я жандарму. – Я здесь вообще случайно оказался...

Однако мои протесты не возымели действия. Он крепко схватил меня за руку и ждал, когда девушка натянет трусы.

– Это не мои, – сказала она. – Они размеров на десять меньше, чем надо.

– Я здесь правда случайно оказался. И этих женщин не знаю, – повторил я попытку внести ясность в происходящее, но жандарм был увлечен зрелищем погони (при этом своей хватки он не ослаблял).

Два находчивых спецназовца прыгнули в воду и кролем поплыли к свободе. Жандармам раздеваться не хотелось, и они махнули на них рукой. Зато другие вояки были оттеснены от моря и прижаты к скале. Разглядеть все это удалось благодаря переносному прожектору, который жандармы притащили с собой.

Среди спецназовцев был и тот парень, которого я отправил куда подальше. На спецназовца он не походил: слишком худой и длинноволосый. Услышав, что он просит офицера позволить ему поговорить со мной, я в ужасе закричал:

– Нет, нет, иди к чертям! Я его не знаю, честное слово, – сказал я «своему» жандарму. – Я кончил, и...

Проклятие! Хотел сказать, что отверг приставания этого сосунка, а получилось совсем другое!

Жандарм скептически поднял бровь.

Ну как ему объяснить, что я не сплю с пьяными женщинами на пляже и не являюсь поклонником крепких ягодиц, хотя ничего не имею против тех, кто этим занимается. «Я такой же скучный гетеросексуал, как и вы», – чуть было не вылетело у меня.

– А этот блондинчик ничего, – усмехнулся полицейский, и его бровь снова опустилась. – Может, встретимся втроем и пропустим по стаканчику, когда все закончится? – предложил он.

7

И все же я был в лучшем положении, чем другие. По крайней мере, я был одет (рубашка не в счет).

Следующие двадцать минут, не самые лучшие в моей жизни, я провел в полицейском грузовичке. Рядом со мной сидела девушка, которой так и не удалось отыскать свои трусы. Но ее это нисколько не смущало. Она клянчила у жандармов сигареты, пока те не попросили ее заткнуться.

– Кто откроет рот, заплатит штраф в двойном размере, – предупредил офицер.

Длинноволосый парень сидел за моей спиной. Он постоянно наклонялся ко мне и, когда я оборачивался, корчил гримасы, но я его игнорировал.

Спецназовец с ямочкой сидел впереди, лицом ко мне.

Он с усмешкой посмотрел на меня, и я отвернулся, но тут он сказал:

– Ты знаешь, по-моему, я видел осетров.

Я смерил его скептическим взглядом.

– Нет, правда. Пару месяцев назад. Когда мы отрабатывали высадку на пляже.

– Заткнись, – рявкнул жандарм с брюшком, самый несимпатичный из всех.

– *Tranquil, mon ami*⁴⁸, – подмигнул ему мой знакомый. – Мы просто так болтаем, чтобы время шло быстрее.

Жандарм, сообразив, что с парнями из спецназа лучше не связываться, отвернулся, и парень продолжил:

– Только это было не в Коллиуре. Где же это было? Эй, где мы на пляж высаживались? – Он толкнул одного из своих голых коллег, который был занят тем, что корчил похотливые рожи моей соседке.

– Камарг, – пробурчал тот.

– А, ну да, – кивнул парень с ямочкой. – Знаешь Сент-Мари-де-ла-Мер?

– Нет, – ответил я, делая мысленную заметку для М. Если это было правдой, то у меня в руках оказалась информация чрезвычайной важности.

– Море было не особенно прозрачным. Но я уверен, что это та самая рыба. Выглядит как хищница. Полусом-полуакула.

– Это он, – кивнул я. – Ты только одного видел?

– Да, только одного. А почему они тебя так интересуют?

Хороший вопрос. Что бы придумать, чтобы отвести подозрения...

– Фотография, – вырвалось у меня. – Моя девушка фотографирует рыб.

Двигатель пикапа затарахтел, как стиральная машина, набитая гайками, сиденья завибрировали, и одна из моих соотечественниц тут же сказала, что купит себе такой же в спальню.

Миновав фаллическую башню, мы въехали на набережную. Туристам было на что посмотреть. На минуту я почувствовал себя звездой Голливуда – вспышки фотоаппаратов ослепляли. Несколько девушек привстали, чтобы продемонстрировать свою грудь, для них вечеринка все еще продолжалась.

Нас выгрузили на парковке и погнали ко входу в жандармерию. Двое мужчин у кофейного автомата перестали бросать в него монетки и застыли с открытыми ртами. Пожилая дама, несмотря на позднее время подававшая какую-то жалобу, вцепилась в край стола, чтобы не упасть.

⁴⁸ Успокойся, дружище (*фр.*).

Дежурный офицер что-то прорычал, и нас провели в коридор с длинной скамьей вдоль стены и пятью или шестью закрытыми дверями.

– Сядьте и заткнитесь, – буркнул один из жандармов.

Как ни странно, спецназовцы послушались. Вернее, было бы странно, если бы они в голом виде стали качать права. Худой блондин продолжал жестикулировать, глядя на меня. Теперь он показывал поднятые кверху большие пальцы рук. Черт, ему что, проблем мало?

Я попробовал снова разговорить парня с ямочкой, но сделать это не удалось по независящим от нас причинам.

– Ты – сюда, ты – сюда, а ты – вон туда. – Вдоль скамьи по-хозяйски прошел жандарм, распределяя нас по комнатам для допроса.

– Ты, ты, ты, ты, ты и ты, не садитесь на стулья, пока вам не принесут бумажные полотенца. – Это относилось к тем, на ком не было трусов.

Я прошел в крохотную комнатку, где с трудом умещались стол и два стула. Сталь и пластик, почти что хай-тек. На стене висела огромная схема всех компонентов двери, включая замок, с французскими названиями. Вероятно, для того, чтобы жертвы грабежа могли объяснить, как взломщики проникли в их дом. Я подумал, что в моем случае пригодился бы анатомический атлас. По крайней мере, я смог бы описать девчонок во всех подробностях: «Я заметил, что у одной из них была сильно развитая брюшная полость и татуировка в районе малой берцовой кости».

Я все еще улыбался, когда мне в голову взбрела нехорошая мысль. Компьютер на письменном столе почти наверняка раскроет тот факт, что с французской полицией я встречаюсь не впервые. Был один небольшой инцидент, когда виновная в автоаварии сторона не только смылась с места происшествия, но и обвинила во всем меня. Но еще хуже был штраф, не так давно назначенный мне за то, что я отказался переводить меню в моей английской чайной, мотивируя это тем, что *sandwich* он и в Африке сэндвич, а тем, кто не в курсе, что такое *cup of tea*, ума не хватит на то, чтобы заказать чай. Увы, демонстративное презрение к французскому языку слишком увязывалось с моим сегодняшним нарушением общественной морали. Теперь они запишут меня в злостные нарушители и запрут в камере, для обитателей которых появление полураздетого молодого англичанина будет подарком небес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.